

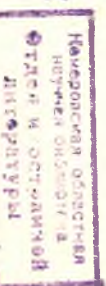
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров,
А. В. Кукин, Г. Я. Тuroвер (отв. ред.),
В. Д. Уваров, М. Я. Цыплин

Авторы несут ответственность
за аутентичность цитируемого материала.

84537

Т37
Тетради переводчика. Вып. 14. М., «Международное
ношение», 1977.

136 с.

Выпуск 14 «Тетрадей переводчика» продолжает знакомить читателей с проблемами теории и практики перевода, попросами лексикотактики, также предлагает конкретные решения частных переводческих задач. В разделе художественного перевода помещены статьи о переводе рифмы Маяковского на итальянский язык, об итальянских переводах «Пиковой дамы» и о переводе на русский язык повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Сборник представляет интерес для всех лиц, изучающих иностранные языки.

Т 70104—023 39—77
003(01)—77

© Издательство «Международные отношения», 1977 г.

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

К. Ю. Амбрасас-Саснава
(Вильнюс)

ЕЩЕ О ГРАЖДАНСКОМ ПЕРЕВОДЧЕВЕНИИ

Не так давно в отношении перевода считалось, что он своей науки иметь не может.¹ Подобное мнение по этому вопросу высказал представитель литовской поэзии и критики перевода В. Блюже: «Я несколько скептически отношусь к создаваемой нами «теории перевода». Как бы нам не потерять крепость, которую потон самими же придется разрушить... На мой взгляд, в силе остается обыкновенная теория литературы — литературоведение...»²

Об этом свидетельствует множество книг и статей, среди которых следует назвать статью А. Д. Швейцера «Возможна ли общая теория перевода?»³

Сегодня проблема теории перевода рассматривается уже не с гамлетовских позиций — «быть» ей или «не быть», а в ее связь с другими лингвистическими и нелингвистическими дисциплинами, каковы теоретические и практические направления работ и исследований этой науки, какова роль переводчика в лингвистической науке.

Болгарский ученый А. Людсканов науку перевода, ее проблемы делит на универсальные, общие и частные. Частная теория перевода (семантическая дисциплина на общесемантическом уровне); общая теория (лингвистическая дисциплина на уровне естествен-

1 А. А. Реформатский. Лингвистические вопросы перевода. «Иностранные языки в школе», 1952, № 6, с. 12.
2 В. Блюже. Актуальные проблемы теории художественного перевода. Материалы Всесоюзного симпозиума (25 февраля — 2 марта 1966 г.), т. 1, М., 1967, с. 344.
3 А. Д. Швейцера. Возможна ли общая теория перевода? «Тетради переводчика», № 7, М., «Международные отношения», 1970, с. 35—46.

ных языков) и частные теории перевода (теория художественного, общественно-политического и научного перевода, перевода устной и письменной речи, включая обыкновенный и машинный перевод), как отрасли общей теории перевода (языковые дисциплины на уровне стилистических пластов (подкодов) естественных языков)¹.

Однако, как указывает Вл. Россельс, болгарский исследователь не выдерживает принципа: при анализе проблем перевода художественной литературы забывает про языкознание и в дальнейшем оперирует «либо общесемиотическими положениями (а на этом уровне можно решать и литературные проблемы), либо методологией литературного анализа»².

Некоторые советские теории перевода основными результатами переведения считают общую теорию перевода и частную теорию перевода³. Того же мнения, по-видимому, придерживается и чешский теоретик перевода Иржи Левый, который включил в свою книгу «Искусство перевода» подраздел «Общая и специальная теория перевода»⁴.

Однако научная и практическая переводческая деятельность является настолько обширной и сложной, что упомянутые системы данной дисциплины не могут охватить все ее многообразие. В связи с этим ученые предлагают новые пути.

Представляет интерес классификация переведения, которую дает Ю. В. Ванников в статье «О едином комплексе переводческих дисциплин», где он различает: 1) общую теорию перевода; 2) частные теории перевода; 3) специальные теории перевода; 4) теорию машинного перевода; 5) прикладные аспекты перевода⁵.

¹ Цитируется по: Вл. Россельс, «Склонение теории на свисток», В сб.: «Мастерство перевода», № 8, М., «Сов. писатель», 1971, с. 418.

² См. там же.

³ См.: Я. И. Репкер, «Задачи сопоставительного анализа переводов. В кн.: «Теория и критика перевода» (Литературоведческий очерк), М., «Высшая школа», 1968, с. 27—33; Г. Р. Гвичетадзе, «Введение в теорию художественного перевода», Тбилиси, Изд. Тбил. ун-та, 1970, с. 118—119; его же, «Художественный перевод и литературные взаимосвязи», М., «Сов. писатель», 1970, с. 74—80.

⁴ И. Левый, «Искусство перевода», М., «Прогресс», 1970, с. 32—34.

⁵ Ю. В. Ванников, «Вопросы теории и техники перевода», Изд. Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1970, с. 314.

В. Н. Комиссаров всю переводческую деятельность делит таким образом: I. «Теоретическое переведение включает четыре основных раздела: общее теории перевода, теории эквивалентности, теории переводческого процесса и теории переводческих соответствий»¹. II. «Прикладное переведение представляет собой попытку воздействовать на переводческую деятельность, в той или иной степени «управлять» ее деятельностью в целом или какими-то ее аспектами. Сюда относятся все проблемы, связанные с обучением переводу, разработкой всевозможных советов и рекомендаций переводчику, деятельностью редактора, использованием составленным всевозможных справочников и словарей...»².

Такая четкая и обоснованная классификация теоретических и практических работ является нужной и необходимой. В. Н. Комиссаров, решая проблему переводческой деятельности с точки зрения всей совокупности актов перевода, соответственно определяет и сам объект переведения, который составляют «те аспекты переводческой деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода и определяют характер отношений между оригиналом и переводом...»³.

Однако переведение, с какой бы позиции мы к нему ни подошли — теоретической или практической, — вряд ли можно сводить к одним только отношениям между оригиналом и переводом. Приведенное выше определение данного объекта фактически носит лишь теоретический характер. Таким образом, если к объекту перевода подойти с теоретической, и с практической точки зрения, определение, данное В. Н. Комиссаровым, можно было бы несколько дополнить: объект переведения составляют те аспекты теоретической и практической деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода, а также после него, и определяют характер отношений не только между оригиналом и переводом, но и между переводом и читателем. Существуют также области переводческой деятельности, как например, история перевода, критика перевода, методика перевода, библиография перевода и т. п., которые невозможно строго отнести к работам теоретического либо практического

¹ В. Н. Комиссаров, «О разделах переведения, теории перевода», № 11, М., «Международные отношения», 1974, с. 10.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 10.

характера. Их объем и назначение легко могут выйти за пределы тех или иных рамок, на которые указывает Комиссаров в приведенной выше цитате. Очевидно, на основании изложенного представляется возможным говорить о следущей, охватывающей как теоретический, так и практический аспекты классификации переводоведения:

- I. Общая (универсальная) теория перевода.
- II. Специальная теория перевода.
- III. Практика перевода.
- IV. История перевода.
- V. Критика перевода.
- VI. Методика преподавания перевода.
- VII. Библиография перевода.
- VIII. Редактирование перевода.
- IX. Смежные науки, помогающие решать разные переводческие проблемы.

I. **Общая (универсальная) теория перевода** должна включать не только предложенные В. Н. Комиссаровым четыре основных раздела — общие теории перевода, теории эквивалентности, теории переводческого процесса и теории переводческих соответствий, но и все другие общетеоретические проблемы и вопросы, которые возникают в настоящем и будущем, будут возникать в будущем. Этот раздел может включать в себя лингвистические, литературоведческие, стилистические и другие проблемы, если они решаются в общетеоретическом плане.

Советские ученые в последнее время примерно так характеризуют объект общей теории перевода и ее задачи: она должна включать в себя и рассматривать наиболее общие положения и систему принципов, которая определяет при исследовании произведений различных жанров назначения и переводческих с одного языка на другой и такие выводы, принципы и критерии подходят для всех языков и являются самыми универсальными. В этом плане довольно точно и конкретно высказался А. Д. Швейцер: «...как языкознание изучает любые речевые произведения независимо от их жанра, общая теория перевода охватывает все разновидности, которые присущи переводу вообще, независимо от специфики тех или иных жанров»¹. «Общая теория перевода имеет свой ясно очерченный объект изучения — переводческие лингво-практиков».

это процесс перевода во всей его совокупности и во всем его многообразии с обязательным учетом всех влияющих на него факторов»¹.

II. **Специальная теория перевода** исследует самые различные закономерности перевода с одного конкретного языка оригинала на какой-либо другой язык перевода. В зависимости от того, какой на уровне языка оригинала является единица перевода, язык перевода можно рассматривать не только с точки зрения принятой в современном языковедении иерархии уровней языка (исследования уровня фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и текста), но и в стилистическом отношении. Поэтому второй крупный раздел специальной теории перевода касается отдельных жанров перевода: художественной, устной речи, языка научных, публицистических, технических текстов, канцелярских документов и т. д.

В свою очередь произведения художественной литературы могут еще подразделяться, с точки зрения теории литературы, на прозу и поэзию. Причем проза также может быть различной: роман, новелла, повесть, рассказ. И еще более разнообразны жанры устной народной творчества: сказка, притча, пословица, загадка, потворка и т. д. Поэзия также неоднородна в отношении стихосложения и содержания: гекзаметр, белые, силлабические и другие стихотворения; эпос, баллада, сонет, реплика, ода, гимн, песня и т. д. Драма также может своеобразно классифицироваться: комедия, трагедия, героическая драма, лирическая драма и т. д. Соответствующим образом можно классифицировать и литературу других жанров и стилей.

Коротко говоря, в этом разделе предлагается поместить на правах двух самостоятельных подразделов то, что Ю. В. Ванников считает частными теориями перевода. III. **Практика перевода.** Говоря о любой науке, зачастую указывают на две ее стороны — теоретическую и практическую и их тесную взаимосвязь. В самом деле, к теории перевода особенно близка его практика. К этому разделу можно отнести различные учебные заведения, школы, курсы и т. д. для вышших учебных заведений, справочники и прочие издания, предназначенные для переводчиков-практиков.

¹ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., Воениздат 1973, с. 9.

¹ Там же, с. 16.

IV. История перевода. Переср вопроса о месте и значении перевода в современной науке неизбежно привело к усилению интереса теоретиков фактиков перевода так же к истории перевода. Все ско-нибудь значительные труды в области перевода обычно черпят раздаты, посвященные истории перевода¹. Истия перевода исследует развитие и выработку критериев, конков и принципов перевода от конкретных до самых ших, факторы, которые воздизировали на то или иное решение к переводу, условия формирования требований переводчикам.

История перевода, в свою очередь, может включать следующие разделы и подразделы: поскольку исторические разделные периоды и подразделения являются различными, он зависит от основного аспекта также является различным. Он зависит от основной классификации. Эта основа может быть терминирована следующим образом, когда описывается и анализируется деятельность переводчика какого-либо государства или материковой страны. Когда исследуется деятельность переводчиков определенной эпохи и пера общественного развития, жанров, когда исследуются переводы устной речи, публицистики, газетной речи, документов, научных работ или литературные переводы (новеллы, романов, повестей), поэзии (эпоса, поэмы, баллад, стихотворений, сонетов), драмы (комедий, трагедий и т. д.), языков (переводов в историческом аспекте, анализирующих переводы какого-либо одного языка оригинала на другой язык переводчика с английского языка на французский и т. п.

Воды, например, с англо-русского перевода.

У. Критика перевода. Эта область переводоведения охватывает все основные его разделы: теорию, историю, практику, методику преподавания библиографию и редактивное. Критика перевода занимается анализом работ теоретиков, историков, переводчиков, а также деятелей других отраслей данной науки. Критик перевода может также сказать веское и нужное слово о хранителе, издателе, а также о библиографируемом материале, связанном с каким-либо областью перевода. И особенно критика перевода необходима его практике. Ее зада — своевременно под-

1 Ср.: G. Mounin, *Teoria e sua traduzione*, Torino, 1965; R. Klopfer, *Die Theoretiker literarischen Übersetzens*, München, 1967; E. A. Nida, *Toward a Science of Transliteration*, Leiden, Netherlands, 1964; G. Mounin, *Die Übersetzung. Geschichte, Theorie, Anwendung*, München, 1967; A. B. Фадоров, *Основы общей теории перевода*, М., «Высшая школа» изд-во, 1968; Г. Р. Гачециладзе, *Введение в теорию художественного перевода*, Изд. Тбили. ун-та, 1970.

Врагов перевода: отступление от общих и конкретных принципов перевода и прежде всего от норм литературной

VI. Методика преподавания перевода. Это также обширная область преподавания, и она подразделяется на группы и подгруппы: методика преподавания перевода в средних, специальных и высших школах; методика преподавания перевода прозы и поэзии, синхронного и последовательного перевода, устного и письменного перевода, а также методика обучения другим видам перевода.

на для каждой отрасли науки, в том числе для теории и практики перевода. Как в Советском Союзе, так и за рубежом выпускаются различные библиографические издания¹ и в сборниках статей помещаются составленный на различных основах библиографический материал по вопросам теории и практики перевода. Библиографико-переводное сотрудничество с основными разделами данной науки возможно не только на несколько разделов и подразделов: общая теория перевода, специальная теория перевода, практика перевода, критика перевода, история перевода, редактирование перевода, а также разделы для синхронного, последовательного и других видов перевода.

VIII. Редактирование перевода. В одном ряду с теорией практической перевода идет постоянно развивающаяся, неотделимая от них третья область переводоведения — редактирование перевода. Редактирование может исследоваться как в теоретическом, так и в практическом плане.

на. Смежные науки, помогающие решить разные переводческие проблемы. Теория перевода тесно связана с рядом других вспомогательных наук. «Она оперирует категориями поэтики, такими, как структура произведения, образность, контекст (включая историко- и национально-культурный контекст), стиль, литературный язык, жанры, проза, драматургия, поэзия (в том числе стиховедческая проблематика — метр и ритм, рифма и эвфония), категории эстетики, такими, как восприятие и воспроизведение (интерпретация), категориями лингвистики, такими, как фонология, семантика, синтаксис, ономастика,

¹ Cm.: K.-R. Bausch, J. Klegraf, W. Wils, The Science of Translation: An Analytical Bibliography (1962—1969), Mühling, 1970; A. Popovič, Umelecký předklad v ČSSR, Matica slovenská, Martin, 1974 и др.

лингвистик, наконец, категориями психолингвистики и творческого процесса. Много точек... — с семантикой, которая изучает знаковые системы и их соотношение¹.

Таким образом, для того чтобы рассмотреть переводное действие в действительно широком, по словам В. Н. Комиссарова, «глобальном» масштабе, соответственно определить направления его исследования, прийти к определенным результатам и выводам, мы, естественно, должны иметь дело только с оригиналом (языком оригинала и текстом оригинала), а тем самым с переводом (языком перевода и текстом перевода) и самим процессом перевода, всеми актами этого процесса, но и с названными Вл. Россельсом и множеством еще не названных областей науки, скажем, с математической лингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой и если говорить о машинном переводе, то и с целым рядом математических дисциплин. И это еще не весь круг наук с которыми сталкивается на практике теоретик перевод. Ведь действительность требует постоянного расширения этого круга. Соответственно МП (машинный перевод) также может иметь свою теорию, историю, практику, методологию, библиографию и другие необходимые разделы перевода. Мы можем входить в общее переводоведение или составить о нем отдельную систему.

Каждая классификация разделов переводоведения, если подходить к ней с определенных позиций, является полезной. Прежде всего она полезна уже самым фактом своего существования. Однако всякая классификация, даже самая совершенная, имеет свои недостатки: в ней может не выделяться принцип распределения, либо окажется неохваченными различные стороны и сложная переводческая деятельность. Подобные недостатки той или иной классификации все-таки будут иметь место, но для практиков, например библиотечных работников, библиографов, преподавателей, авторов учебников и специалистов ряда других областей знаний необходима какая-то конкретная, пусть и не свободная от недостатков, но стабильная, определенная классификация разделов переводоведения, так как многообразие проблем мешает не столько самой теории, сколько практической. Поэтому следовало бы принять какую-то основополагающую

систему, которой могли бы руководствоваться в своей исследовательской работе представители упомянутых и многих из упомянутых специальностей.

Д. И. Ермолович
(Москва)

ТИПИЧНОСТЬ СИТУАЦИИ И ПЕРЕВОД НА УРОВНЕ СООБЩЕНИЯ

Теория уровней эквивалентности перевода начала развиваться сравнительно недавно, однако она, на наш взгляд, открыла столь широкие перспективы в теории перевода, что даже несмысленно, казалось бы, частные вопросы переводоведения поднимать в свете этой теории большую глубину и потребность к себе самого пристального внимания.

Хочется сразу предупредить читателей, что, как ни велика склонность проиллюстрировать положения этой концепции на примерах разных уровней переводческой эквивалентности, в данной статье мы ограничимся некоторыми явлениями, касающимися эквивалентности только на одном уровне — уровне сообщения.

Возможно, предвзвешенно следует в двух словах напомнить о подходе теории уровней к анализу эквивалентности. Прежде всего, какие бы отрезки текстов на разных языках ни сравнивались, за основу такого сравнения берется их содержательная структура как совокупность всех «элементарных смыслов» понятийного денотата.

Далее, сама содержательная структура отрезка рассматривается как многоплановая, то есть распадается на смысловую информацию нескольких уровней: 1) уровень языковых знаков, 2) уровень высказывания, 3) уровень сообщения, 4) уровень способа описания ситуации, 5) уровень цели коммуниканции. Каждый последующий уровень считается приемлемым более высокое место в иерархии уровней, чем предшествующий.

Теория уровней эквивалентности требует от полноценного перевода передачи релевантной информации текста на максимальном объективно достижимом числе уровней, начиная с уровня цели коммуниканции¹.

¹ Наиболее целостное и подробное изложение теории уровней эквивалентности можно найти в работе: В. Н. Комиссаров, «Очерк лингвистического учения о переводе», М., «Международ. отношения», 1973.

¹ Вл. Россельс. Опыт теории художественного перевода. В кн.: И. Левый. Искусство перевода. М., «Прогресс», 1973, с. 5.

В этом требовании, на наш взгляд, заключается одно из главных достоинств теории уровней, ибо постулат о примате содержательной структуры текста над его формой и высоких уровней эквивалентности над низшими лишает теоретической базы буквализм, а необходимость достижения эквивалентности на максимальном числе уровней, не сужая, позволяет творческой инициативе переводчика, претворяя путь и линии вольной трактовке текста.

Однако в данной статье, как уже было сказано, нас интересует уровень сообщения. В дальнейшем, говоря о том, что эквивалентность установлена на каком-либо содержательном уровне, мы будем иметь в виду, что она сохраняется и на всех вышележащих уровнях смысла¹.

При переводе на уровне сообщения эквивалентность заключается в тождестве ситуации, которую сообщение описывает. В то же время сами сообщения, описывающие одну и ту же ситуацию, могут отличаться друг от друга характером и количеством признаков, упоминаемых в сообщении, направлением отношений между признаками, характером связей между отдельными частями сообщения, порядком следования этих частей и стилистической характеристикой сообщения².

Например, два русских сообщения:

а) «То замيراющее выражение лица... вдруг осветило счастливого, благодарного, детского улыбочкой» (Л. Толстой «Война и мир»)

б) «Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, как бы сейчас чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством» (Ф. Достоевский, «Брат Карамазовы»)

— описывают почти одинаковые ситуации. С другой стороны, Толстой и Достоевский тем и отличаются друг от друга, что даже одинаковые ситуации они описывают разными сообщениями. Так что тождество ситуаций есть, хотя и необходимое, но не достаточное условие эквивалентности сообщений.

В каком же случае можно считать верным перевод сообщения, не сохраняющий тех же, что и в оригинале, признаков ситуации и отношений между ними?

Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

¹ В данной статье термины «информация», «смысл», «содержание» употребляются как синонимы.

² В. Н. Комиссаров. Указ. соч., с. 137.

* * *

Ясно, если имеется возможность подобрать в переводе сообщение, в котором признаки ситуации сохраняются, а не нарушаются, то такой перевод можно считать эквивалентным.

Однако точно так же, как не всегда признается растение, пересаженное из одного места в другое, язык перевода может иногда оказываться чужеродной почвой для сообщений, принадлежащих к той или иной ситуации из жизни другого народа. В таком случае за «пересаженным» сообщением необходим особый уход (дополняющие, поясняющие детали), с тем чтобы оно стало доступно читателю¹.

Иными словами, нас интересуют не столько методы, сколько причины подобной переработки сообщений в переводе. Эти, на наш взгляд, кроются в самой описываемой ситуации.

Именно роль при этом играет типичность или нетипичность ситуации для языка, то есть то, имеются ли в языке сообщения, описывающие ситуацию подобную той, которую мы хотим перевести. Если такие сообщения есть, то переводить сообщение — это такие сообщения, которые носители языка отдают предпочтение перед всеми другими возможными сообщениями при указании на ту или иную ситуацию.

1. Передача ситуаций, типичных как для ИЯ, так и для ПЯ

В каждом языке, очевидно, можно обнаружить целый набор сообщений, почти однозначно определяемых ситуацией. Эти сообщения и условия жизни народов близки, то в их языках информация находится сообщения, описывающие идентичные ситуации.

В частности, например, такие сообщения на английском и русском языках:

«Если продолжить аналогично, то в ряде случаев требуются понятия, имеющие сорта того же «растения», более приспособленного к иному типу почвы, то есть замена самой ситуации. Однако это относится уже к переводу на более высоких уровнях».

ИИ — исходный язык, то есть язык оригинального текста, ИЯ — язык перевода.

Примеры взяты из произведений Джека Лондона, О. Генри, А. Фрейда, Сатро и Стелли Хотона. Для тех читателей, которые сохраняют интерес к связям или содержат имена собственные, в скобках

You are not serious? Вы шутите, конечно? What brings you here? Какими судьбами (вы здесь)?

На наш взгляд, если два сообщения различны: языком однозначно (разумется в конкретном контексте) определены одной и той же ситуацией, есть все основания считать их эквивалентными, даже если они описывают ее как бы разных точек зрения.

Действительно, трудно не признать эквивалентным например, следующие пары сообщений — в описываемой ситуации нельзя и сказать ничего иного:

Now, Amelia, you mustn't give way. (S.Houghton) Ну-ка, Амелия, не расстраивайся.

I never heard of that. Первый раз слышу!
Do I look all right? У меня приличный вид?

Могут возразить: бывают же случаи, когда теоретически возможно передать ситуацию с сохранением 'пункты' иноязычного сообщения. Не списком ли мы «отход» от текста, переводя, скажем, *My choice is to be final* (A. Sutto) как: «За мной будет последнее слово», если можно передать это «ближе» к исходному сообщению «Мой выбор будет окончательным?»

Первый вариант перевода предпочтительнее тот, что он, являясь сообщением, более характерным для данной ситуации, чем второй, гораздо быстрее и надежнее приводит до читателя заложенную в ней мысль. А теория уровня не исключает как раз из главенствующей роли содержания жанра, а не формы¹.

Their bodies were covered with fur. (J. London)

приводятся фамилии автора. В ряде случаев использованы опубликованные переводы этих авторов на русский язык, и в скобках указаны фамилии переводчика. Переводы примеров из А. Сатро и С. Хунтагона выполнены автором статьи.

Их одежда была шита из меха. (Пер. Н. Волжиной)

1 Этого можно было бы и не подчеркивать особо, если бы не участвовавшие в последнее время попытки теоретического обоснования буквализмских концепций — как прямых, так и косвенных. См., например, статьи: М. Г а с п а р о в, Брюсов и буквализм (Иркутский незаданным материалам к переводу «Энеиды»). В кн.: «Материалы к переводу», № 8, М., «Сов. писатель», 1971; В. А. Д м и т р е н к о, Максимальность в переводе. «Тетрадь переводчика», № 11, М., «Мелодуна», отношения, 1974. В. А. Дмитриенко провозглашает крутизну и адекватного перевода... процентное отношение совпадающих букв в строке единичи фонтанга и перевода к общему числу таких единичи В. А. Дмитриенко приводит и образчик «максимального» перевода, в котором гласные его концепции не засоряют себя долгим жидким В доме Марковальдо... кончилились последние хворостыны», «Марко

попытки выдохнуть... рывками, похожими на проблемы гениальности» (с. 27), «... и в углу четыре-пять газет пиджаком и рубашкой» (с. 31), «приветствую за свою работу», «карканье пилы по дереву» (с. 31).

John Law was abroad in the town seeking eagerly the hungry and homeless, for by such was his battle domestic tenanted. (J. London). В городе *хозяйничал* господин Закон, он охотился за сироты и голодными, ибо это — обычные поселения упомянутого уютного места за решеткой. (Пер. Р. Гальпериной)

I'd make them sit up. (J. London) Тут они у меня *сидели*! (пер. С. Займовского)

Только пристальный анализ ситуации — и никакой ни критерий, а тем более связанный с формальной близостью текстов, — позволяет в этих случаях сделать вывод эквивалентности перевода исходному сообщению.

Большой интерес представляют собой такие соответствия, которые отличаются какой-то предметно-образной деталью.

At other houses the doors were slammed in my face. (J. London) Были и такие дома, где двери захлопывались *у меня перед носом*. (Пер. Р. Гальпериной)

Подобные примеры могли бы дать богатый материал для сопоставления языковых средств в различных языках. Любопытно ли, что в одном и том же случае англичанин русский переводит ситуацию с помощью совершенно разных деталей. Сравните:

They even held one sturdy little boy aloft so that he could see, over the shoulders of his elders, the tramp wasn't going to get anything to eat in this house. (J. London) Кто-то поднял на руки упитанного бутуза, что и он *через головы взрослых* мог поглядеться на чело-ва, которого в этом доме не намерены были покормить. (Пер. Р. Гальпериной)

Заключить этот раздел хотелось бы одним примером выразительности которого убедительнее всяких теоретических построений показывает, что только путем использования собственных ресурсов языка перевода, а не копированием элементов исходного сообщения, можно достичь равноценного воздействия на читателя:

After a couple of minutes he looked up with an I-thought-you-were-gone expression on his face, and deman- — "Well?" (J. London) Прошла минута, другая — я возрился на меня: *какого, дескать, черта тебе надо?* «Ну!» — властно таркнул он. (Пер. Р. Гальпериной)

2. Передача ситуаций, типичных только для ИЯ

Как уже было сказано, типичность ситуации означает, что в языке одного либо нескольких сообщений, принадлежащих всем другим теоретически возможным (то есть непротиворечивым грамматической и смысловой соотнесенности) способам описания этой ситуации. Поэтому и если образ мыслей носителей данного языка (хотя бы не исключено), а то, что все теоретически возможные сообщения для ее описания могут быть ис-получены с одинаковым успехом.

В случаях, когда ситуация типична только для ИЯ, вы-ражение, на наш взгляд, наиболее трудности у перевод-ца. По сути дела, это означает, что в языке перевода не-возможно передать характерного сообщения для ее описания. Взять

He was ... indeed as splendid a fellow as one could meet within a day's ride... (J. London)

Вышеизложенное выражение означает простую мысль: «та-кого человека встречаю редко». Но подобрать для нее харак-терное сообщение не так-то легко. Казалось бы, аналогичное сообщение *хоть полсвета обойдешь* намного сильнее ори-ентирует, выражение *такие люди на дороге не валяются* имеет

выяснено, единственный выход — описать ситуацию «характерным» сообщением:

«Это был... в общем превосходный парень, какие *иurchаются не так уж часто*...» (Пер. С. Займовского)

Можно усмотреть некоторую потерю, однако в лю-бом случае она объясняется абсолютно объективными при-чинами, а вовсе не небрежностью или невниманием перевод-

ра. Мы увидим далее, иноязычный текст нередко дает возможность компенсации таких потерь, так что оплакивать не стоит. Если же искусственно создать сообщение по-сле перевода, типичные ситуации описываются сообщениями, которые являются произвольными речевыми.

образцу подлинника (типа «...каких не встретишь и за дв. верховой езды»), оно искажало бы функциональные характеристики текста, создав иллюзию индивидуального (торского) стилистического приема.

Сохранение образности каждого, даже малейшего реза оригинала нельзя рассматривать как необходимое условие эквивалентности. Подчас это просто невозмож-

How you can be gallivanting about in the street
your grandfather lying dead and cold upstairs, I don't
know. (S. Houghton)

С этими словами мать обращается к не в меру резвой дочери. Желая подчеркнуть кощунственность ее поведения в доме покойника, она использует два синонимичных описания (dead and cold), когда могла бы сказать просто *he is dead*. Но сохранить такой прием в русском языке не представляется возможным по одной простой причине: так у нас не говорят.

Ну как ты можешь носиться по улице, когда твоя бабушка лежит наверху мертвой!

Говорить о нарушении эквивалентности здесь все же стоит. «Утраченную» функциональную особенность английского сообщения можно восполнить другими средствами — в данном случае, например, простой постановкой восклицательного знака.

Следующий пример, который мы хотели бы разобрать, показывает, однако, что необразный («описательный») перевод далеко не всегда является выходом из положения. Рассказ О. Генри «Башмаки» начинается такой фразой:

John de Graffenreid Atwood ate of the lotus,
stem, and flower. (O. Henry)

Выражение *eat of the lotus* значит «пробывать в состоянии отрешенности, удалиться от дел, забыть о прошлом». Примерно так и можно было бы передать эту ситуацию не типичную для русского языка, если бы не дальнейшая авторская игра на фразеологизме, которая проходит всю новеллу. Посмотрим, как выглядит процитированная фраза на русском языке:

Джон де Граффенрид Этвуд обедался лотосом,
всейкой мерью: ел корни, стебли и цветы. (Пер. К. Ковского)

К сожалению, ситуация не передана. Впрочем, здесь не имеет смысла говорить только о уровне сообщения, но как более низкий, так и более высокий уровни смысловой структуры: это затрудняет задачу переводчика. Мы не исключаем возможность эквивалентного перевода на уровне способа описания (то есть путем привнесения другой, более удобной терминологии для выражения той же общей мысли) или даже на уровне коммуникативной (когда общая мысль отреза текста не имеет значения для другого, но функционально равноценную). Но на наш взгляд, эквивалентность может быть достигнута и на уровне сообщения, если приведенный выше перевод дополнить подстрочным примечанием, разъясняющим, почему в античной мифологии считается цветком, дарующим бессмертие.

К сожалению, никаких универсальных рекомендаций по переводу нетипичных ситуаций дать нельзя. Единственное условие — учет функций всех уровней смысловой структуры текста.

1. Передача ситуаций, типичных только для ПЯ

Может оказаться так, что описываемая в ИЯ ситуация, не имеющая для него в полном смысле слова типичной, типичной для ПЯ и описывается в нем характерными сообщениями. Говоря о переводе, переводчик должен помнить об этом.

При этом теоретически возможен перевод на русский язык, который не будет искажать оригинала, но, во-первых, как уже отмечалось в предыдущем разделе, менее характерного сообщения более характерного сообщения, что ситуация хуже доносит до читателя и обедняется фактура текста, а во-вторых, часто неизбежны потери, часто неизбежны при обратном переводе. Поэтому, если необходимо, можно использовать компенсацию потерь, часто неизбежны при обратном переводе.

Несколько регулярно проводятся в жизнь это правило и переводчики, можно судить из следующего примера:

If I gave you something to eat now, I'd never see you again. Oh, I know your kind. Look at me. I owe no man. I have never descended so low as to ask anyone for food. (London) Я вашего брата знаю. Вас накорми, а потом иди ветра в поле. Посмотри на меня. Я никому ни гроша не должен; я в жизни ни у кого крошки хлеба

не попросил и счел бы это за унижение. (Пер. Р. Г. периной)

В п. 2 был приведен пример ослабления признака сингг: *dead and cold — мертвый*. Показателен пример ратного соотношения: когда признак ситуации усиливается в переводе. В приводимом ниже отрывке нас интересует одно слово, но весь он важен для уточнения ситуации.

My wealth dates back ten years; till then I had hunger, and every kind of sorrow and despair. I had searched longing apts to the world, but not a heart open to me. (A. Sutto)

Итак, герой живописует те годы, которые он прожил в бедности. Это, так сказать, волею души, общее впечатление от тех лет. Ситуация, следовательно, такова: «Я был беден и это было ужасно».

Рассмотрим следующую фразу из этого отрывка:

I had knovn hunger.

Ситуация прямо-таки диктует вариант:

Я знал и голод, и холод.

Ведь именно эти, и только эти слова донесут до русского читателя смысл горьких признаний героя.

Бывает так, что не типичная для иностранного языка ситуация удивительно точно описывается каким-нибудь одним фразеологическим выражением в языке перевода. Вот два выразительных примера:

She'll come fast enough after her share of what grat they's left. You know how hard she can be when she's Where she gets it from I can't tell. (S. Houghton)
миленькая прибежит за своей долей делушкиного
ледства! Ты же знаешь, какая она бывает нахал
когда захочет. И откуда только это у нее!

I'm not going to have them wasted. (S. Houghton)
пропадать же добру!

Русские переводы напрашиваются сами собой, и начинаешь сомневаться: уж не переводили ли авторского? Впрочем, сомнения быстро рассеиваются, когда продолжаешь перевод, начинаешь «распутывать» дальнейшую ситуацию.

* * *

Проблема ситуации в переводе далеко не исчерпывается рассмотрением типичности ситуации и характеристики сообщения. В этой работе мы почти не затрагивали особенностей индивидуальных авторских сообщений, где смысловая структура текста многократно усложняется.

Конечно, бы предостеречь читателя от вывода, что в этой работе главным критерием эквивалентности перевода является тождество ситуации и игнорируется структура высказывания. Только если перевод на уровне языковых знаков и высказывания объективно невозможен, то есть при сохранении релевантного содержания этих высказываний нарушается смысл более высоких уровней, оправданно установление эквивалентности на таком высоком уровне, как уровень сообщения, когда ситуация объявляется составным компонентом смысловой структуры, подлежащим передаче.

В свою очередь, когда верное воссоздание ситуации не компенсирует адекватного понимания всего текста, только перевод на более высоком уровне может быть признан эквивалентным.

Мы хотели только показать, насколько важную роль играет в переводе определяемая объективными факторами типичность ситуации и что иногда именно она вызывает необходимость в переводе на уровне сообщения.

II. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Т. Р. Левецкая, А. М. Фитерс
(Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕВОД

В современной художественной прозе и газетно-публицистическом стиле английского языка все явственнее начинается стремление к актуализации нейтральных языковых средств в экспрессивных целях. Под актуализацией понимается такое использование языковых средств — употребительных слов, сочетаний слов, морфологиче-

ских элементов и синтаксических конструкций, которое не только привлекает внимание читателей. Это достигается не только использованием обычных языковых средств, но и растормаживанием автоматизированной нормы и актуализацией нарушенных схем. Благодаря актуализации в художественной литературе экспрессивные возможности языка, которые «выдвигаются» вперед и тем самым приобретают стилистическую значимость. Таким образом, «выявление» и деавтоматизация нейтральных языковых элементов создают контраст между ними и неактуализированными элементами, то есть создают напряжение, нужный стилистический эффект. Матезиус определяет актуализацию функциональную нагрузку «языковых средств и раскрывает стилистических возможностей языка»¹.

Современные лингвисты все больше и больше заняты вопросами актуализации — экспрессивными возможностями морфологии и синтаксиса, вопросом необычайности, употреблением слова в несвойственной для стилистической среде, стилистическим эффектом разложения фразеологизма и т. п. Советские лингвисты писали об актуализации еще полвека тому назад, указывая на то, что часто выступает «не нейтральной средой или системой

¹ В. Матезиус, *Язык и стиль*. В сб.: «Пражский лингвистический кружок», М., «Прогресс», 1967, с. 404.

или, в художественно значимым элементом воздействия. Вопросами актуализации широко интересовались лингвисты пражского лингвистического кружка, например Матезиус, Мукаровский, Гавранек, Скаличка и др. Актуализация ярче всего выступает в языке художественной прозы, не говоря уже о поэзии, она находит свое применение и в газетно-публицистическом стиле, во всех его разновидностях. Однако в разных стилях языка к ней относятся по разным причинам и в разных целях. В стиле художественной речи она выполняет функцию стилистического приема. В стиле газетно-публицистическом к ней относятся не столько в целях экспрессивности, сколько для привлечения внимания. Следует также отметить, что актуализация языковых элементов всегда является окказиональным языковым клубом, в которой описывается дуэль между Уинклем и доктором Сламмером, ясно выступает актуализация определенного артикли благодаря его пяти-шести повторы.

"What's all this?" said Doctor Slammer, as his friend and Mr Snodgrass came running up. — "That's not the man!"

"Not the man!" said Doctor Slammer's second.

"Not the man!" said Mr Snodgrass.

"Not the man!" said the gentleman with the camp-stool in his hand.

"Certainly not," replied the little doctor. "That's not the person who insulted me last night."

Вопросы сравнения тоже могут актуализироваться и в том случае приобретают «функциональную нагрузку», как говорит Матезиус в этой же статье. Ярким примером могут служить всем известные слова Алисы из книги Льюис-Карола «Алиса в стране чудес» (Lewis Carroll) "Alice in Wonderland".

¹ В. М. Жирмунский. Вопросы литературы. Л., «Академия», 1928, с. 173.

"Curlouser and curlouser," said Alice.

Переводчица П. Соловьева в своем переводе приобретает же приему.

«Странче и странче», — сказала Алиа.

В нижеследующем примере актуализируется переходная степень прилагательного *only*, поскольку она идет вразрез с его семантикой, так как значение прилагательного *the only* не допускает никакой грации.

"Well, Throg, you know damn' well it's the way," Morse encouraged. (J. Hoffenberg)

Компенсация в переводе может идти по линии ударения. Например: «...это самый, что ни на есть, динстве путь...»

Столь же интересна актуализация относительного прилагательного *winning*, не допускающего, как все остальные прилагательные, степеней сравнения (например *the winning horse*, *the winning side*). Употребление переходной степени этого прилагательного чрезвычайно экзотично благодаря нарушению нормы.

Eisenhower was summoned to office when American politics had become excessively cantankerous and above-politics politics proved to be the winning all. ("Newsweek", 1974)

Эйзенхауэр был призван на пост президента в то время, когда в политической жизни США царила ужасающая атмосфера, и его политика «быть выше полтикан» оказалась самой выигрышной.

В этом случае компенсация идет по линии выбора в предложении, поскольку слово *выигрыши* недержит полнотелительной экспрессивности, и по линии «уменьшения». Ниже следует еще один пример актуализации переходной степени.

She is the *weldest* wife in the world and she is which isn't often, and then she is the *skiest* in the world. (J. Steinbeck)

Разложение фразеологизма тоже является одним из видов актуализации. Вставной элемент сразу привлекает к себе внимание.

Right from the start of her second concert, she displayed a keen-edged technique in Bach's "A Minor Suite". And with the Schumann "Sonata No. 2 in G. Minor" and a Chopin group, she came into her romantic style — unleashing a tempest of vivid coloration. ("Newsweek", 1967)... и игра Шопена, она окунулась в свою стихию — ро-мантически.

Как известно, повтор является весьма употребительным приемом, основная его функция — эффе-ктивная. Благодаря повтору выделяется то слово, которое автор придает особое значение. При актуализации путем повторения выделяется не отдельно значимое слово или слова, а выделяется в глаза цепочки, которые состоят из однородных членов, форм, противопоставов и т. п. Таким образом актуализация может служить повтор в нижесле-дующем отрывке.

Notably they (the spectators) were in the hip rocket of her breeches, and they had been laid upon, laid upon and sat upon so often that she lived in a permanent state of bankruptcy. (J. Tey)

В этом примере актуализируется повтор противопоставов и однородных членов и однородные члены приобретают особую экспрессивность.

Не менее экспрессивными являются окказиональные образования с префиксами и суффиксами. Очевидно чаще актуализируется отрицательный префикс *un-*. Ци-клики приводят несколько случаев его необычного употре-бления.

They came out together into the *unfresh* and humid air. (Gr. Greene)

Необычным прилагательным *unfresh* автор подчеркивает грязный, душный, влажный воздух Африки.

В следующем примере из другого романа Грэма Грина в предложении им прилагательным *unheralded* сталкиваются противоположные значения префикса и суффикса, которые находятся в оппозиции друг к другу. В результате такого двойного сочетания прилагательное приобретает ин-тенсивное эмоциональное значение.

"But Aunt Augusta... you must tell me exactly what happened!" "I'm trying to, but you continually interrupt

with *unhelpful* exclamations." Я пытаюсь, но ты все-таки перебиваешь меня своими бестолковыми (ненормальными) восклицаниями.

И в третьем примере из романа Л. Бродида столь необычно прилагательное *unpretty*. Оно тоже приобрело большую эмоциональную нагрузку и гораздо выразительнее обычных сочетаний:
a pretty story = *not a very pretty story*.

An unpretty story for a professional *lad-killer* like (L. Bromfield) *Более чем некрасивая история* для талантливого профессионального сердцееда, как вы

Префикс *un-* может естественно актуализироваться только в прилагательных, но и в наречиях. И в этом случае его употребление является очень неожиданным благодаря стоглавному отрицательного префикса с семантикой *un-* *чьи* *расидлу*.

Францу расидлу crossed her legs. (J. D. Salinger) *Францу с явным раздражением закинула ногу на ногу*

В этом случае в переводе пришлось прибегнуть к конву.

Однако особый интерес представляет актуализация фиксов. Следует сразу сказать, что актуализируются стилистически немаркированные, то есть нейтральные суффиксы. Стилистическая маркированность суффикса не допускает его актуализации, так как этому мешает заложенное эмоциональное значение. Эффект актуализации суффикса заключается в неожиданном для читателя присоединении к слову, с которым в обычном представлении этот суффикс не связывается. Эта неожиданность и перекликается с созданием стилистического эффекта: чем неожиданнее образование, тем сильнее стилистическое воздействие.

Словообразовательные суффиксы в каждом языке национальный характер. Это по существу проявление только в разном «наборе» суффиксов в каждом языке и в разной степени продуктивности соответствующих фиксов.

Из всего богатства словообразовательных суффиксов английского языка выбраны два исключительно продуктивных и поэтому трудных для передачи в переводе суффиксы существительного *-er* и суффикс прилагательного

Суффикс *-er* образует существительное — агент действия фактически от любого глагола. В современном языке широко употребляется существительное *master*, образованное от модального глагола *must* (he is a *master* of *unimpeachable* *человек, он любой командовал*). Именно универсальность этого суффикса сделала его значение настолько абстрактным, как бы полностью его раматика-пропада, сделала его признаком существительного действия с другой стороны, безграничная широта его применения открывает возможность его использования в экспрессивных целях.

В отличие от суффикса *-er*, суффикс *-able* не абстрактен стилистически полноценен. Во всех образованных с его помощью прилагательных присутствует модальное значение. Этот суффикс тоже нередко употребляется в стилистических целях для окказионального образования новых, обладающих большей или меньшей долей экспрессивности.

Отсутствие в русском языке соответствующих суффиксов приводит переводчика прибегать к трансформациям, обычным в лексике. Например:

According to a report circulating among U. N. agencies what Western Europe is drawing from its former colonies is only about equal to what Europe is losing to the United States, which is the *net gainer* from the brain drain. (The "New York Times", 1966) Согласно докладу, распространенному всем агентствам ООН, количество специалистов, которых Западная Европа получает из своих бывших колоний, приблизительно равняется тому количеству специалистов, которые уезжают из Европы в США. Таким образом, США — единственная страна, которая *полностью выигрывает* от этой утечки мозгов.

Сочетание *net gainer*, образованное от термина *net gain*, поддается путем замены частей речи.

Существительные, образованные при помощи суффикса *-er* иногда являются сложными словами, а иногда столь стилистически связаны со своим определением, образованным от глагола, что приближаются к сложному слову.

The Mahlerian cult has now established itself firmly upon the concert life of Great Britain. Gigantic orchestras and choirs are financially justified as Mahler's symphonies are now guaranteed *hall fillers*. ("Morning Star",

1969) Култ Мелера теперь прочно утвердился в пертных программах Великобритании. Гигантский состав оркестра и хора оправдывает себя с финансовой точки зрения, поскольку симфонии Мелера неизменно собирают полный зал.

Отдельную группу таких новообразований составляют существительные с отрицательным префиксом *non-*, например, *non-tipper*, *non-signer* и т. п. Переводом существительных тоже требует замен, трансформаций и нередко декомпрессии.

А proposal made by a Tory ought to make it a tipper for Labour. ("Daily World", 1965). Предложив выдвинутое консерватором, обычно *неприемлемо* лейбористов.

Various schemes have been put forward to outlaw gratuities. The taxi drivers themselves respond to non-tipper with a selection of crisp, four-letter Saxop words. ("The London News", 1968) Выдвинутые планы запретить таксистам брать чаевые разные планы запретить таксистам брать чаевые сами таксисты награждают *пассажира*, не дающего чаев, отборной, хлесткой руганью.

Также трудны для перевода существительные с позитивом, образованные с помощью суффикса *-er*.

Не certainly wasn't a tipper-ashi by nature. (J. По своей природе он был не из тех, кто избегает ностий. (Он был не трус.)

Также требует описательного перевода неологизм downer(s) — «люди, занимающиеся частной практикой послеслужебное время».

Суффикс *-er* нередко актуализируется в современном литературном языке. Такие образования носят неожиданный характер, поражают эффектом своей неожиданности естественно далеко не все они остаются в языке, например, остались неологизмы *non-tipper*, *hard-line signer* и др.

Стилистический эффект очень ярко выступает в существительном *smile* в следующем примере.

Did it matter that an opponent had once dubbed the *smiler* with the knife (M. Sinclair) Разве какое-нибудь значение, что один из его политических противников назвал его *убийцей с улыбкой на лице*?

В нижеследующем примере наблюдается своеобразная перефразировка: выразительность оказывается образованной с помощью суффикса *-er* существительного подчеркивается употреблением определенного артикля.

The many dislikers of Lady Montdore said that she kept Polly too much in the background... (N. Mitford) Те же, кто не любил леди Монтдор, а их было много, утверждали, что она вечно держала Поли в тени.

Здесь, заключенная в актуализированном сочетании *many dislikers*, компенсируется вводным предложением, принося естественно сделан при помощи декомпрессии.

Интересно отметить такие случаи, когда оказывается неопределенное существительное является омонимом уже существующего в языке нейтрального существительного с тем же значением. Существительное *stier* давно существует в языке как производное от глагола *to stur* в значении кричать. Словарь БАРС дает следующие его значения: 1. *крик*; 2. *редк. глагольный*; 3. *чиновник суда*. В романе Стейнберга существительное *stier* образовано им от глагола *to stur* в значении *плакать* и воспринимается как экспрессивное и разговорное.

"Have you ever seen mother stur, Tom?" "No, not that I can remember. No, she is not a stier." «Том! Ты когда-нибудь видел, чтобы мать плакала?» «Нет, не могу припомнить. Нет, она не из тех, кто плачет».

В контексту здесь едва ли приемлемо слово *плакса*. Перефразировка производится при помощи разговорной структуры. И здесь имеет место декомпрессия в переводе.

Аналогичный пример встречается и в другом романе Мелера.

She is a waiter — I can see that now. And I guess she stood at lengthly last gown weary of waiting.

В некоторых случаях процесс образования оказывается существительных с суффиксом *-er* является сложным. Существительное образуется от глагола с прямым дополнением, расположенных в обратном порядке: *raske-leaver*, *leaver*, то есть построенных по той же модели, что и *waiter* в ранее приведенном примере.

The immediate *bottle-orderer* was often starting on a drinking link, and might not intend to pay, or couldn't. (A. Най-прямой из бутылки заказчик)

Существительное *bottle-order* является, несомненно экспрессивным, автор включает его во внутреннюю персонажа — одного из администраторов отеля.

Приезжий, который, взяв номер, тотчас же *завел себе бутылку виски*, — это один из тех, кто *рается «запить»*, и, возможно, не намерен, или не может заплатить за все выпитое.

В переводе, к сожалению, актуализация не компенсирована.

Такого же типа и следующий пример:

I had sized up the Taylor woman as a *rackage* as soon as she joined us. (D. Du Maurier)

И в этом случае наблюдается конвергенция; помимо казнологического неологизма *rackage-leaver* употреблен разговорное пренебрежительное сочетание *the Taylor woman*.

Я сразу понял, что с этой особой *Тейлор* не *оберся хлопот* — она *вечно будет все терять и забывать*.

В переводе сохранена та же степень разговорности.

Как известно, одной из характерных черт современного английского языка является употребление глаголов с позитивами, от которых тоже, как указывалось, *зудется* существительное — агент действия. Существительное *looker-чирпер* образовано от такого глагола. Оно интересно своей структурой: оба его элемента — и глагол *looker* и суффикс *-чирпер* — имеют в виду.

"Marta said that you wanted something looked. And are you a *looker-чирпер*?" "I am doing research, in London. Historical research, I mean" ... (J. Tey) «Та говорила, что вам нужно отыскать какую-то штуку». «А вы что же, такой *отыскиватель*?» «Я занимаюсь в Лондоне исследовательской работой. Историческими исследованиями, я имею в виду».

В этом случае при переводе сделана попытка восполнить таким же шутливым новообразованием.

По такой же модели построено и существительное *дизер-чирпер* в примере из романа А. Мардок. Для характеристики любови писательница образует три существительных агента действия.

What a *trouble-maker* it (love) is. What a *diz-чирпер* of the impossible, what an *embeaser* of the impossible.

of the *unattainable*. Сколько бед может любовь натворить! Заставляет мечтать о невозможном. Припадать к стопам недостижимого.

При переводе этого несколько вычурного высказывания *дизер-чирпер* прибегнуть к всевозможным трансформациям. Глаголы во фразеологизмах тоже могут «порождать» новые существительные; при этом происходит своеобразный фразеологизм благодаря номинализации глагола, переходу в разряд существительных.

She is a great, great *faller* in love, you know. (N. Mitford)

Несомненно, а *great faller* in love во много раз выразительнее и ярче, чем синонимичный вариант *She always falls in love*.

Как известно из приводимых примеров, основы, к которым присоединяется суффикс деятеля, необязательно разноплановы. Следует отметить, что он может образовывать существительное не только от глаголов, но и от других частей речи, например, от существительного или числительных:

Guests — even *partly-ers* and *stay-out-lates* — were back in their rooms and most likely to be sleeping. (A. Hailey) Приезжие — даже *случай* и *поздноты* — уже вернулись и, вероятно, спали в своих номерах.

Русские существительные носят очень разговорный характер, и в какой-то мере этой разговорностью компенсируется структурное своеобразие оригинала. Следует отметить, что в оригинале слово *partly-ers* написано через дефис, выделяет его и подчеркивает его необычность.

Числительные тоже попадают в орбиту этого суффикса. образцы существительного — исторического термина *party-pipers* — образовано существительное *пипер-пайпс*. Употребление его с прилагательным *consistent* придает большую выразительность.

He also resented — as one of the hotel's most consistent *nine-to-fivers* — the idea of working all night. (A. Hailey) Поскольку он был одним из постоянных служачиков отеля, *работавших с девяти до пяти*, его раздражала мысль, что придется работать всю ночь напролет.

В этом случае актуализация, созданная таким новообразованием, не передана в переводе.

Интересный структурный характер имеет сложное шестиступенчатое *up-since-daupers*.

“...a crowded corridor of *up-since-daupers*”. (J. Коридор был полон *студентов, поднимающих* ни ни здря.)

Компенсация и в этом случае производится при построении фразеологизма *подняться* ни *свет*, ни здря. Особая, подчеркивая экспрессивность, как уже зывалось, достигается конвергенцией, то есть сочетанием целого ряда стилистических приемов или типов акцентации. Яркой иллюстрацией этого явления служит следующий пример.

...the devoted service of the *moaners, groaners, it-offers, take-it-with-a-smilers*. (P. Johnson).

В этом примере суффикс *-er* образует четыре существительных: два простых и два сложных. (Морфологическая оформленность дает основание считать последние сложными.) Эти четыре существительных распадаются на пары не только по своей структуре. Два первых являются синонимической парой. Два других являются, если так назвать их, «фразовыми» существительными. Они бы образованы от фразовых эпитетов: *sling-it-offer, with-a-smile* (attitude). Однако автор идет еще дальше: в своем образном употреблении фразового существительного, превращая последний элемент в агента действия *offer — offerer, smile — smiler*. В тексте речь идет о желательных советах директору школы в связи с важными там неприятностями.

Давались доброжелательные советы; кто *всего отмахивался*, кто *предлагал от всего отмахиваться* а кто — не принимать близко к сердцу.

Компенсация идет по линии повтора, параллелизма разговорных фразеологизмов. К сожалению, в последнем нарушении принятых форм.

Из приведенных примеров видно, как разнообразны образы, по которым создаются окказиональные образования суффиксом *-er*, а также, что их необычность и новизна далеко не всегда могут быть переданы в переводе. Суффикс *-er* идет сутобо национальным и часто, увы, не может быть полноценно передан в воде.

Суффикс *-able* тоже принадлежит к числу очень продуктивных суффиксов. При его помощи фактически можно образовать прилагательные почти от всех переходных глаголов. Но, как будет далее показано, с его помощью можно образовывать прилагательные и от существительных. (Естественно, что при его рассмотрении авторы не будут касаться единственных французских прилагательных, образованных при помощи этого суффикса, как, например, *inévitable, tépénakable, itérarable* и т. п.) В качестве примера таких производных прилагательных можно привести *book, an astable play, a climbable* и т. п. Перевод таких прилагательных отнодь не прост. В русском языке нет суффикса прилагательного, при помощи которого с такой же легкостью и свободой можно было бы образовывать новые прилагательные. Только в отдельных случаях прилагательные с таким суффиксом имеют близкие эквиваленты в русском языке, как например, *washable*, которому соответствует русское прилагательное *моющийся*. Гораздо чаще для их передачи приходится прибегать к описательному переводу, то есть к экспрессии.

The war had become simply the war and battles were no more than a part of a slow progression to an *unlitt-able end*. (J. Aldridge) Война стала просто войной, и сражения стали лишь частью медленного продвижения к концу, наступление которого никто не мог предсказать.

В этом случае прилагательное пришлось перевести не прилагательным предложением с модальным глаголом. *He was waiting for the last batch of the purified uranium with *unfillable* time on his hands*. (C. P. Snow) Он ждал последней партии очищенного урана, и поэтому у него было много свободного времени, которое он не мог чем заполнить.

Перевод *unfillable time* только сочетанием *много свободного времени* был бы неполным, поэтому пришлось его дополнить прилагательным предложением, которое передает всю окказиональную ситуацию.

Суффикс *-able* нередко используется в рекламах и рекламных рецензиях для привлечения внимания, а также в качестве таких окказиональных неологизмов.

London Conversation is an interesting and *listen-*

able record. ("Morning Star", 1967) Беседы о Лондоне интересная пластинка, которую приятно слушать.

The songs of the film, old and new, are highly interesting and the setting is colourful enough. ("Morning Star", 1967) Песенки этого фильма, как старые, так и новые, хороши. Мелодии, а постановка очень красивая.

Ниже следующий пример взят из предисловия к справочнику "A Dictionary of English Literature" от Watt and William Watt).

This book was written to fill the need for a reference work in English literature which would be readable, portable, and inexpensive. Эта книга написана для того, чтобы удовлетворить потребность в справочнике по английской литературе с характером — удобном, легком для переноса и недорогом.

Суффикс -able может присоединяться и к глаголам, постпозицированными, например, (un) get-at-able (не) достижимым, таким образом прилагательные put-downable, и downable.

After a great weight of put-downable books have been put on how they won the war, here is an un-put-downable one about some of the men who helped them do it. ("Spectator", 1960) После огромного количества книг, написанных о том, как они выиграли войну, появилась «непобедимая» книга о тех, кто помогал это сделать.

В этом случае можно было использовать такие же говорные эквиваленты в русском языке. Как уже отмечалось, суффикс -able образует прилагательные от существительных, но значительно реже в таких случаях актуализация суффикса выступает заметно.

The lanes were not passable, complained a not even jackassable. ("National Geographic", 1970) Дорожки еще непроходимы, пожаловался один человек, по ним не только человеку, но даже осла не пройти. Конечно, высокая степень неожиданности в образе прилагательного jackassable явно рассчитана на юмор.

Этот эффект, который как-то передается при переводе, и в некоторой степени ослаблен.

В романе У. Коллинза два персонажа от глаголов, а третье — от существительного. Юмористический эффект создается также при переводе существительного male sex, по such companionship in love.

All through their visit (in consequence of Mr Fairlie's invalid condition) we produced no such companionship in the house as a flirtable, dansable, small-talkable creature of the male sex. Во время их пребывания в нашем доме (из-за болезненного состояния мистера Фэрли) мы никак не могли представить им «такой приятный предмет», как существо мужского пола, с которым можно было бы флиртовать, танцевать и вести легкую беседу.

Новые слова с суффиксом -able, автор иногда присоединяет его через дефис (ср. party's), подставляя таким образом его необычный, чисто окказиональный характер.

Three days later I was sitting against a rock and working the crossword puzzle, when suddenly I got cross-eyed (trying not to stare at the most stare-able woman I have ever seen in my life. (R. Heinlein) Три дня спустя я сидел (на пляже), прислонившись к скале, решая кроссворд. Вдруг я буквально окосел, глядя на самую красивую женщину, какой никогда не видел.

В настоящей статье авторы стремились показать, что не все неформальные неформализованные словообразовательные элементы могут широко актуализироваться, то есть служить основой создания большой выразительности благодаря использованию своего использования.

Р. И. Рождественский, 1973, с. 36.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛЭНГ XX В. В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Для переводов современной американской литературы актуальны проблемы адекватной передачи американского экспрессивного просторечия (слэнга), широко введенного в текст многими американскими авторами XX в. Как известно, адекватный перевод предполагает учет всех особенностей языка оригинала (их денотативной и коннотативной семантики, структурных особенностей и т. п.) подбор эквивалентных единиц языка перевода. В отношении перевода единиц слэнга выполнение этих задач представляется особенно сложным, так как вопрос о том, что составляет специфику слэнга, является в лингвистической литературе дискуссионным.¹

В цели данной работы входят:

- 1) попытка сформулировать некоторые, существенные для перевода особенности языка слэнга;
- 2) попытка выяснения — через сопоставительный анализ лексических систем английского и русского языков, насколько, в принципе, возможна адекватная передача американского слэнга в русском переводе;
- 3) анализ, в свете проведенного исследования, ряда конкретных примеров переводов единиц слэнга в художественной литературе.

Понски специфических особенностей слэнга могут быть бы отчасти, связаны с исследованием мотивов альной оценки слэнга. Факты использования единиц слэнга в речи вызывают крайне разнообразное отношение к ним, зависящее от конкретной речевой ситуации; однако, на уровне языка, вне конкретной ситуации (= контекста) употребление слэнга и в теоретических исследованиях прикладных лексикографических трудах (где оценка единиц слэнга с помощью ряда кодифицированных средств проводится как пласт лексикона, находящийся за пределами

периферийного языка,² но не являющийся диалектным.³ В русском языке существует лексика, социальная оценка которой подобна социальной оценке американского слэнга; лексика охватывается принятыми в русской лексикографии терминами «просторечие», «грубое просторечие», «арго» и «сленг». Можно предположить, что специфика американского слэнга и русского экспрессивного просторечия, с которой связана социальная оценка слэнга и просторечия, представляется тем, какие именно отличия позволяют противопоставить единицы слэнга и просторечия единицам литературного языка.

Как единицы американского слэнга, так и единицы русского экспрессивного просторечия предстают как образы вторичного порядка, возникшие на основе единиц литературного языка. Можно выделить два класса единиц слэнга и, как показывает сопоставительный анализ, подобно им два класса единиц русского просторечия соответствующим образом преобразований единиц литературного языка.

Единицы, полученные путем преобразований формальной стороны единиц литературного языка при сохранении их содержательной стороны:

а) единицы, подобные единицам литературного языка, полученные с помощью частичного изменения формальной стороны последних, а именно как следствие фонетического варьирования единиц литературного языка: *анушоо* от *анушоу*; *гиджет* от *гаджет*; «*тиря*» от *на-*

См., например: И. Р. Гальперин. *Stylistics*. М., «Высшая школа», 1971; предисловие к различным словарям английского языка (E. Partridge. *A Dictionary of English*. Ldn., 1949; H. Wentworth, S. B. Fletcher. *Dictionary of American Slang*. N. Y., 1960).

См. М. М. Акулиничев. *Языковая сущность современного слэнга*. «Иностранные языки в школе», 1962, № 4, с. 112.

См., например: А. А. Миллер. Автореферат канд. дисс. на тему: «Стилистика сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях». Алма-Ата, 1972.

Примеры русского экспрессивного просторечия приводятся на основании материала канд. диссертации Л. И. Скворцова на тему: «Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послевоенного периода)». М., 1966. Примеры американского слэнга приводятся по работе Н. Wentworth, S. B. Fletcher. *Dictionary of American Slang*. N. Y., 1960.

II. Единицы, полученные путем преобразований со-
 жательной стороны единиц литературного языка при со-
 нении их формальной стороны. Эти единицы возникают
 результат варьирования единиц литературного языка
 лексико-семантическом уровне:

1. Dinitrophenyl, F^{18}
2. Butter
3. Nitroglycerine, dynamite
4. Influence, pull;²

Тем не менее, перевод единиц американского слэнга в русский язык в ряде случаев крайне труден. В особенности справедливо по отношению к переводу единиц американского слэнга, полученных в результате лексикостатического варьирования единиц литературного языка.ковы же причины того, что, несмотря на наличие схо-

его основном значении.

кот. В русском экспрессивном просторечии используется только *кот*.

Таким образом, можно утверждать, что первая причина трудностей адекватной передачи единицы американского слэнга на русском языке — это расхождение состава лексико-семантических групп слов, дающих слэнг в английском, и экспрессивное просторечие в русском языке.

II. В целом направление лексико-семантического выравнивания слов, результатом которого является появление соответствия, единиц американского слэнга и русского экспрессивного просторечия, в английском и русском языках совпадает. Между основным, литературным и просторечным, слэнговым или экспрессивно-просторечным лексическим вариантами слова устанавливаются диалектные соотношения следующих типов:

1. часть тела — человек: англ. *beard* (slang): an intellectual person; an egghead; русск. «борода» — старик, бородач; бородач — мужчина;
2. приспособление — человек: *plug* — an inert, plugged, clumsy person; «фитиль» — высокий, худой человек;
3. животное — человек: *animal* — an ugly, vulgar, sexually aggressive person; «лягушка» — сыщик;
4. растение — человек: *ransy* — a male homosexual; *effeminate male*; «лопух» — неприкосновенный кани человек, растяпа;
5. помещение (вместитель для чего-л.) — место обитания людей: *pen* — a prison of any kind; «мешок торьма»;
6. приспособление — часть тела человека: *block* — head; «рычаги» — руки;
7. вместитель — часть тела человека: *cap* — the head; «лохань» — лицо;
8. часть тела животного — часть тела человека: *hoof* — person's foot; «цупальцы» — руки; «дыхало» — рот;
9. масса вещества — действие: *dirt* — cheating; «бляда» — вранье;
10. масса вещества — отдельный предмет: *weed* — «кожа» — бумажник;
11. носитель свойства — свойство: *Bible* — the grandfatherly 1. an elderly man. В русском для образования «буза» — ерунда, чепуха;
12. животное — другое животное: *goat* — a face esp. an inferior race horse; «дракон» — собака.

За соотношениями основных (литературных) и про-

(слэнговых) лексико-семантических вариантов стоят, однако, некоторые оппозиции экстралингвистического характера (как он членится человеком — членом языкового и культурного коллектива), актуальные для носителей как русского, так и английского языка.

Вспомогательно, наиболее существенная оппозиция «не-человек-человек», реализующаяся в максимальном члене противопоставлений (1—9);

внешнее — внутреннее (11)
континуум (множество) — дискретная единица (10)
конкретное — абстрактное (9, 11).

Основой для лексико-семантического варьирования, результатом которого является слэнг или экспрессивное просторечие, служат прагматические компоненты значения слов, то есть семантические ассоциации или коннотации, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе систему использования соответствующей вещи и многие другие языковые факторы. Они сильно различаются у говорящих или близких по значению слов разных языков даже одного и того же языка¹. Естественно, что те вторичные компоненты значения английских и русских слов, на основе которых возникают единицы слэнга и просторечия, часто совпадают даже в тех случаях, когда эти слова эквивалентны друг другу в своих основных значениях. Поэтому, хотя лексико-семантическое варьирование слов, принадлежащих эквивалентными основными значениями в двух языках, направлено одинаково, результаты его различны — различны слэнговые и экспрессивные просторечные лексико-семантические варианты слова в английском и русском языках, например, для образования слэнга в английском языке используется *grandfather*, для образования экспрессивного просторечия в русском — *дед*. Эти слова эквивалентны по своим основным значениям: *grandfather* и *дед* — отец или матер. Однако в английском языке основой образования единицы слэнга служит ассоциативный компонент «преклонный возраст». Так появляется слэнговое экспрессивное просторечие используется другой прагматический компонент: *ded* — это вообще старший, тот,

¹ См.: "Supplementary Components" у Ю. Найды: *Eu. N i d a. Theory and Practice of Translation*. Leiden, 1969.

кого слушаются, поэтому *дед* получает экспрессивно-поторечное значение «руководитель (часто научный руководитель), шеф».

В английском *juice* в качестве прагматических компонентов, служащих основой для образования слэнга, выступает, во-первых, представление о том, что *juice* жидко пает, во-вторых, отсюда слэнговое *juice* — *liquor, esp. whisky*; во-вторых, представление о способе получения сока; его давят, выжимают, то есть применяют какое-то физическое воздействие по отношению к источнику сока, отсюда другое слэнговое значение слова: *juice* — это деньги, полученные нечестным путем, с помощью воздействия на обладателя: *juice* — *money used or obtained from gambling, extortion, blackmail or bribery*. В русском языке используется другое прагматическое значение: «сок» — это сладкое, квинтэссенция того, что содержит плод; отсюда экспрессивно-поторечное «сок» как выражение высокой положительной оценки («самый сок!»).

Наоборот, эквивалентные для двух языков прагматические компоненты значения часто имеют слова, не совпадающие (хотя иногда близкие друг другу) по своим основным значениям. Так, и английский *clock*, и русское *часы* *бижут* вызывают ассоциацию с лицом, и действие *бижут* слэнговый и экспрессивно-поторечный варианты слов в английском и русском языках соответственно имеют значение «лицо».

Таким образом, вторая причина затруднений при задаче единиц американского слэнга — несомненное наличие в прагматических компонентах значения слов, эквивалентных по своим основным лексико-семантическим вариантам, приводит к расхождению результатов лексико-семантического варьирования этих слов в английском и русском языках.

Как же решаются проблемы адекватной передачи крестных единиц слэнга, возникающие в связи с указанными причинами, в переводческой практике? Задача переводчика — найти эквивалент для единиц американского слэнга на русский язык, являющийся как следует из всего сказанного, комплексной: она включает учет основного значения слова литературного языка от которого образована единица слэнга, учет использования при ее образовании прагматических компонентов значения, а также денотативное значение самой единицы слэнга.

Как показывает анализ текста, при переводе единиц

на русский язык обязательно выполняется одна задача — найти эквивалент денотативного значения единицы слэнга. Поэтому в ряде случаев способ образования не учитывается вообще, а в тексте ей соответствует единица литературного языка:

You've got a goddam *bug* today — you know that? Слушай, в тебя сегодня прямо какой-то бес *вселился*! In any case he surely was conceived over the possibility that the *bug* Flannery had might bitch up the whole weekend. Во всяком случае, его, безусловно, беспокоило то, что *бляжь*, напавшая на Фрэнни, может издать им весь конец недели.

You can be the *big shot*. Тебя — командиром. That stuff's sort of *flitty*. По-моему, это тоже какое-то *извращение*, ей-богу.

...and that she was a *big-shot* cheer-leader did not *hate him*. ...но то, что она была таким *большим маслеником* среди чирлидеров, уже не произвело на него такого впечатления.

При этом в тех случаях, когда единица слэнга не несет основной семантической нагрузки в тексте и потеря ее не изменяет его смысла, а перевод ее затруднителен, она в русском тексте не передается вообще.

This *guy* Brughman thinks I ought to publish the *goddamn* paper somewhere. Знаешь, этот самый Брау-ман считает, что я должен напечатать свое сочинение *но*.

Характерная по своему денотативному значению единица американского слэнга — единичка лексикой русского языка может характеризоваться и тождественной социальной оценкой, но при этом отличаться от единицы слэнга своим способом образования:

She was small and had dark bangs, and for a short *girl* she had a *leerish* figure. Это была маленькая девушка с темной челкой и *попыхлой*, несмотря на рост, фигурой.

I stuck around in the *can* for a while thinking about old Jane. А я еще потоптал в *умывальнике*, вспомнил старую Жану Джейн.

But she simply couldn't march any more with these *girls* — they were *freaks*. And she wasn't. Но она больша-

ше не могла маршировать рядом с этими дедочками
они просто *urodki*. А Люси — нет.

Во всех этих примерах единица американского сленга передается эквивалентной по значению и по оценке в русском языке просторечной единицей русского языка, которая пресловисто-просторечной единицей русского языка, которую образована, однако, не тексико-семантическим, то формальным варьированием исходной единицы литературного языка.

Встречаются случаи передачи, кроме демотивационных значений и оценки, также и способа образования единичности и прагматических компонентов значения исходной единицы литературного языка.

The bartender was a *louse*, too. A сам козынин же *скотина*.

You are aces, Ackley kid. Ты молодчина, Эдди.

Well, it's interesting any way. All that stuff...

всяком случае, очень занятно. Вся эта шпунка...

Возникает вопрос, какой тип передачи единиц слэнга можно считать наиболее близким к адекватному?

по считать наиболее универсальными в американском слэнге. Существенно то, что отглагольные оценки слэнга, литературного языка, определяющие оценку слэнга, наруживаются не только при сравнении единиц слэнга и единиц литературного языка в плане парадигматики. Сравнение функционального слэнга и литературного языка обнаруживает различия в плане социальной ситуации пользования слэнга по сравнению с социальной ситуацией использования литературного языка. Круг ситуаций использования слэнга в речи уже, чем круг ситуаций использования единиц литературного языка. Примерно подобный характерен для употребления единиц русского экспрессивного просторечия. В целом эти ситуации можно охарактеризовать как ситуации неформального общения (общение происходит дома или же в каких-либо временных эквивалентах дома, а также в таких общественных местах, в которых поведение человека не жестко регламентировано; говорящие равны друг другу по своему социальному статусу или же связаны дружескими или родственными отношениями и т. д.). Использование в речи единиц, обозначающих дающих структурными характеристиками американского слэнга или русского экспрессивного просторечия, является

ином того, что общение происходит в определенном социальном контексте.

Поэтому можно считать, что передача единиц слэнга в своем тексте с помощью единиц литературного языка, принадлежащих единицам слэнга по деинвариантному значению, равно как и опущение единиц слэнга в переводе, хотя не искажает смысла текста, лишает его специфического лингвистического контекста. При передаче единиц слэнга, объединенных с помощью лексико-семантического варьирования, через единицы русского экспрессивного просторечия, а также путем формальных преобразований, хотя и сохраняется социальный контекст, теряются те многочисленные культурные коннотации, на основе которых создается текст, и которые, очевидно, актуальны для носителей язы-

По-прежнему, наиболее адекватным следует считать та-
кой вариант, при котором «длинные русские экспрессивного
выражения построены на тех же грамматических компо-
нентах, что и «длинные слэнге».

ЛЕКЦИЯКА СОЧЕТАЕМОСТЬ
И ВЛДЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СОЛЖЕТСТВИЙ

Т. Д. Жеру
(Кишинев)

Наша лексическая сочетаемость по пониманию состоит в способности данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного списка. Мы относим к лексической сочетаемости устойчивые сочетания лексемы *скалоут* + имя существительное без предлога. Они относятся к наиболее употребительным устойчивым сочетаниям в разговорной речи новейшей беллетристике и представлены в основном на основе трудностей в практике лексикологии и в процессе овладения иностранными языками. Устойчивые сочетания приблизительно соответствуют фразеологическим сочетаниям в классификации Е. В. Виноградова, а также решениям в классификации Х. Касреса, французского лексикального серийам в классификации Ш. Балли.

вес имеют устойчивые сочетания — эквиваленты глагола УС — эквиваленты действия переводческих функций. УС — эквиваленты глагола обозначают действия переводческих функций. УС — эквиваленты глагола обозначают действия переводческих функций. УС — эквиваленты глагола обозначают действия переводческих функций.

Значение сочетания в целом складывается на основе семантики. Семантика — это наука о значении слов и словосочетаний. Семантика — это наука о значении слов и словосочетаний. Семантика — это наука о значении слов и словосочетаний.

Под эквивалентностью УС глаголу мы понимаем не тождество, а эквивалентность. Эквивалентность — это такое отношение между двумя объектами, при котором один объект можно заменить другим без изменения значения. Эквивалентность — это такое отношение между двумя объектами, при котором один объект можно заменить другим без изменения значения.

Отношения между двумя языками можно схематически представить следующим образом².

¹ В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международные отношения», 1973, с. 198.
² Данная схема находит подтверждение в работе Л. С. В.

Мы рассмотрели наиболее продуктивные глаголы этих языков: *dar* — *dar* и *hacer* — *hacer*, которые имеют самый широкий круг сочетаемости. Хотя мы специально выбрали близкородственные языки, мы специально показали своеобразие переводческих соотношений в этих языках, модели этих соотношений можно отнести к паре переводимых языков.

В результате сопоставления было выявлено 3 типа переводческих соответствий.

- I. Переводческие соответствия (совпадения): а) полные; б) частичные; в) варианты.
- II. Переводческая трансформация (дифференциация и трансформация смысла).
- III. Переводческие несоответствия (несовпадения или несовпадения).

1. Переводческие соответствия

а) Полные соответствия характеризуются тождеством форм, а также совпадением формальных (структурных) и содержательных (лексико-семантических) элементов двух языков. Например:

испанский язык	португальский язык
<i>dar</i> <i>dar</i>	<i>dar</i> <i>dar</i>
<i>hacer</i> <i>hacer</i>	<i>hacer</i> <i>hacer</i>

Комиссаров в «Язык и перевод». М., «Международные отношения», 1975, с. 198.
4. где автор в целом все типы семантических соответствий сводит к двум основным: 1) полное соответствие, 2) частичное соответствие; 3) отсутствующие соответствия.

dar una bofetada	dar uma bofetada
dar comienzo	dar começo
dar consejos	dar conselhos
dar un epirujón	dar um epirujão
dar un grito	dar um grito
dar muestras	dar mostras
dar órdenes	dar ordens
hacer cálculos	fazer cálculos
hacer un esfuerzo	fazer um esforço
hacer gestos	fazer gestos
hacer preguntas	fazer perguntas
hacer un señal	fazer um sinal

6) При частных соответствиях имеет место замена эквивалентным ему по смыслу глаголом. Например:

испанский язык	португальский язык
dar alcance	alcançar
dar saltos	saltar
dar muestras	mostrar
hacer comparaciones	comparar
hacer elogios	elogiar
hacer preguntas	perguntar

в) При вариантных соответствиях наблюдаются различия вариации лексико-грамматической структуры УС в пределах лексико-семантического инварианта. Необходимым условием варьирования является отсутствие смыслового различия при тех или иных модификациях семантической структуры УС. Основные расхождения касаются в основном синтаксических вариаций на одну и ту же тему. Например:

испанский язык	португальский язык
dar asco	dar asco, causar asco, nojo, ter nojo, fazer dar lastima, causar lastima
dar lastima	ter lastima, dar pena
hacer un gesto	fazer um gesto, fazer sinal

II. Переводческая трансформация (пересечение смыла)

Под трансформацией понимается семантическое идиоматическое преобразование. Смысловой инвариант определяется как одинаковая в равнозначных высказываниях совокупность элементарных смыслов — сем. В связи с этим при пересечении общего смыслового инварианта (набор сем) возможны различные трансформации семантической структуры высказывания¹. Трансформация семантической структуры проявляется в переразложении смысла, являющегося известным в теории перевода. При семантической трансформации имеет место явление дифференциации и инвариации смысла. Одна и та же информация может быть представлена в разных языках с различной степенью дифференциации: то, что в одном языке представлено недифференцированно, в другом языке нашло дифференцированное выражение. При дифференциации отдельные имплицитные компоненты содержательной структуры УС одного языка находят адекватное эксплицитное выражение того же содержания в другом языке. Под имплицитным выражением понимается обычно такие случаи, когда отдельные компоненты содержания высказывания не находят специального выражения с помощью формальных средств языка². Такое явление обусловлено спецификой данного языка, выявляющейся только при сопоставлении с другим языком, который предполагает эксплицитным выражением аналогично содержание.

Интеграция смысла (испанский язык)	Дифференциация смысла (португальский язык)
un golpe	dar um sôco (типично-сильный удар)
(unos) golpes	dar uns golpes наносит удары кулаком
(unos) golpes	dar umas tapas пощечины

1 В. Г. Гака. К проблеме инварианта при переводе. Труды международной конференции. В сб.: «Вопросы теории и методики перевода», ч. I, М., 1970, с. 61—63.
2 К. Г. Крушинский. К проблеме имплицитного выражения в аспекте перевода. Там же, ч. II, М., 1970, с. 1.

dar (unos) golpes

dar unas sacetadas
силь удары дубинкой
палкой, кастетом

dar golpes

dar enconftoes толкать

Проведа анализ по семам, можно выделить две груп-
сем:

1) инвариантную или общую сему (сема удара);

2) дифференциальную сему (способ и место удара).
Была переведена только инвариантная сема, а дифференциальные семы, основанные на видовых отличиях предметов, не были переведены.

III. Переводческие несоответствия

Переводческие несоответствия имеют место при б-
вальном переводе, который проявляется в виде калы-
Переводчик, введенный в заблуждение общими свойствами
и признаками контактирующих языков, в особенности
психически близких, отождествляет все остальные свойства
этих языков. В результате в сознании переводчика устан-
ливается произвольная система соответствий, которая
вестна под названием «третьей системы» и для которой
рактен один план содержания с двумя планами выра-
ния, так как в ней смешиваются дифференциальные пока-
тели первичного и вторичного языков. Со временем букв-
ный перевод может стать нормой и утвердиться в виде ка-
ки. По замечанию В. Ю. Розенштейна, «калька — это
теграция, тенденция к общению семантических эле-
тов».

Приведем несколько примеров переводческих несо-
ветствий.

испанский язык	португальский язык
dar aruto (dar prisa)	dar aruto
dar bano (dar-se um bano,	dar banho
dar-se banos)	

1 Э. Хауген рассматривает кальку как проявление интерфе-
ции: «Интерференция предполагает идеентификацию модели
другом языке, которая проявляется в виде кальки» (доклад Э.
тена на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло).

dar pontapés (dar de pun-
tapés)

fazer adeus
fazer pedido
fazer provas

Наибольший интерес с переводческой точки зрения
представляют переводческая трансформация и переводчес-
кие несоответствия (псевдосовпадения). Последние являют-
ся ложными «дружбами» переводчика. Этот вид ошибок мо-
жет проникать в язык настолько глубоко, что псевдосовпа-
дения уже перестают восприниматься как нарушение нормы
перевода. Псевдосовпадения являются результатом того,
что в процессе языковых контактов и при наличии дву-
язычия происходит унификация семантических систем двух
языков, то есть осуществляется единообразная категори-
зация действительности. Все это указывает на процесс кон-
такта, происходящий в результате постоянных пере-
водческих контактов.

Г. В. Чернов
(Москва)

ЕЩЕ РАЗ О СХЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Существуют по крайней мере две схемы организации
сynchronous перевода на международной конференции.
Первая схема — схема прямого перевода — применя-
ется в Организации Объединенных Наций и ее специализи-
рованных учреждениях. При этой схеме число кабин соот-
ветствует числу рабочих языков заседания или сессии.
Пример, при пяти официальных языках, принятых на
суданиях органов ООН, работают кабинеты следующих язы-
ков: английского, французского, русского, испанского и
итальянского. В каждой кабине на каждом данном заседании
работает бригада переводчиков, которая обязана обеспе-
чить перевод со всех остальных четырех языков на язык
кабин. Предполагается, хотя это правило не всегда
поддерживается на практике, что синхронный перевод осу-
ществляется переводчиком на свой родной язык. Обычно в
кабинете назначаются два переводчика. Предполагается
также, что их общая комбинация языков позволит им вдво-
м осуществлять перевод с четырех языков непосредственно

на родной язык. Это значит, что, допустим, один переводчик русской кабины должен знать английский, французский и испанский языки, а второй — английский и китайский языки. Аналогичное правило применимо ко всем другим кабинам.

Вторая схема организации синхронного перевода пошла название перевода через ведущий язык или схему «с главным переводчиком», с «пилотом». Эта схема применяется в Советском Союзе и в других социалистических странах. Рассмотрим ее на примере Советского Союза. При наличии этой схемы один из рабочих языков конференции (у нас это русский язык) объявляется ведущим, а другим языком. Это значит, что число кабин всегда будет одну меньше, чем количество рабочих языков конференции или конгресса. При пяти рабочих языках — русском, английском, французском, испанском и немецком — конференции будут лишь четыре кабины: английская, французская, испанская и немецкая. Бригада переводчиков (обычно это три человека) в каждой кабине будет осуществлять перевод с русского языка на язык своей кабины, если оратор выступает по-русски, и с иностранного языка на русский, если оратор выступает на данном иностранном языке. Во втором случае три остальные кабины переводят язык своей кабины не непосредственно речь оратора, русский перевод его речи, который осуществляется переводчиком «осевой» или «ведущей» кабины. Переводчик ведущей кабины становится «главным переводчиком». Таким образом во всех случаях, когда оратор выступает не на русском языке, на остальные иностранные языки осуществляется двуступенчатый перевод. Любая из кабин, то есть любой переводчик в каждый данный момент конференции может стать «главным переводчиком». Каждый переводчик в бригаде осуществляет перевод попеременно либо со своего иностранного языка на русский язык, либо с русского языка на иностранный.

Прежде чем перейти к сравнительной оценке той и другой схемы организации синхронного перевода, введем понятие языковой комбинации в синхронном переводе. Комбинацией мы будем понимать перевод, осуществляемый синхронистом с одного исходного языка (ИЯ) на другой конкретный язык перевода (ПЯ), например, перевод с английского языка на русский язык. В этом случае мы скажем, что переводчик работает в англо-русской комбинации.

Можно также говорить о количестве комбинаций, в которых работает данный синхронный переводчик. Например, одним из официальных требований, предъявляемых синхронному переводчику в ООН, является работа не менее чем в двух языковых комбинациях. Как правило, это должно быть сочетание на родной язык. При работе по схеме, принятой в ООН, переводчик будет работать в комбинациях пяти языковых комбинациях. При схеме, принятой в Советском Союзе, переводчик работает во взаимнообратимых или перекрестных комбинациях.

Недостатки двуступенчатой схемы перевода, схемы с «главным переводчиком», подробно рассмотрены А. Д. Швейцера. Потери в объеме и точности передаваемой информации. К ним он относит:

1) Наибольшие потери имеют место в первом звене цепи, они сравнительно несущественны, поскольку они происходят (или во всяком случае должны происходить) в основном образом на долю избыточной информации. Значительной части избыточной информации становится гораздо более уязвимым, так как самые ценные и важные в процентном отношении потери могут оказаться весьма весомыми с точки зрения смыслового содержания перевода («высказывания») (с. 84).

2) «... Любые искажения в ... переводе «главного переводчика» неизбежно дублируются во всех «каналах» (с. 85).

3) «Главный переводчик» испытывает дополнительные трудности, как например, необходимость рассчитывать перевод не только на восприятие, но и на восприятие его другими переводчиками, что существенно влияет на ритм и темп перевода (с. 85).

4) «Особую трудность представляют собой частые переключения с одного вида работы на другой (например, с пе-

А. Д. Швейцер. К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 4, М., издательство «Лингва», 1967.

Е. А. Тихомиров указал автору на то, что избыточная информация в его мнении, будет теряться в синхронном переводе только в том случае, если темп речи оратора — выше среднего и 2) квалификация переводчика низкая. В качестве доказательства указывается успешное осуществление синхронного перевода на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций на стенограмму. Поэтому, по мнению А. Тихомирова, этот недостаток не абсолютный, а относительный.

ревода с русского на английский на перевод с английского на русский» (с. 85).

5. «Серьезные технические трудности порой возникают в связи с необходимостью быстро переключать каналы пульта управления, особенно при обмене краткими репликами (например, во время встреч «за круглым столом» (с. 85).

Одноступенчатая схема, принятая в ООН и в ряде других международных организаций, в идеале рассчитана на то, что каждый синхронист переводит с двух или более иностранных языков на свой родной язык. Эта схема теоретически должна обеспечить перевод более высокого качества, особенно в стилистическом отношении.

А. Д. Швейцер, выдвигая свои аргументы, высказывает в пользу перехода у нас в стране к одноступенчатой схеме перевода, принятой в ряде международных организаций. При всей реальности тех трудностей, на которые ссылается А. Д. Швейцер, попытаемся, однако, показать, что одноступенчатая схема возможна лишь при небольшом количестве рабочих языков конференций (до четырех языков и, следовательно, в наше время становится все менее и менее применимой на практике по мере развития широких международных контактов и выхода на международную арену новых языков.

А. Д. Швейцер с сожалением указывает на то, что ступенчатая схема с «главным переводчиком» «соответствует подготовке большинства наших синхронных переводчиков, которые умеют переводить лишь в пределах одной пары языков, из которых один обязательно русский» (с. 85). Он ссылается на советских синхронистов, работающих, как правило, в реверсивных комбинациях, осваивая две или три конкретные комбинации. Е. А. Гофман¹ выступает за двухступенчатую схему синхронного перевода, схему с «главным переводчиком», указывая на то, что она экономнее: при том же количестве рабочих языков требуется на одну кабина меньше и, следовательно, на одну команду меньше, чем в одноступенчатой схеме.

Попытаемся показать, что эти аргументы выдвинуты применительно к небольшому числу рабочих языков конференций — до четырех. При наличии одноступенчатой схемы перевода в пределах четырех рабочих языков на

каждое заседание в кабину назначаются обычно два человека (в системе ООН). Таким образом, при наличии четырех рабочих языков (обозначим число рабочих языков буквой L), то есть при $L = 4$, количество переводчиков в команде в целом будет $2L$ (в нашем примере: $2 \times 4 = 8$). При двухступенчатой схеме перевода количество кабины будет всегда $L - 1$, в нашем примере: $1 = 3$ кабины. С учетом, однако, некоторых дополнительных трудностей работы по схеме с «главным переводчиком» (см. выше замечания А. Д. Швейцера), при двухступенчатой схеме перевода на кабину назначаются обычно три человека. Число переводчиков в этом случае будет $3 \times (L - 1)$, в нашем примере 9 человек ($3 \times 3 = 9$). Таким образом, количественный аргумент уже при $L = 4$ оказывается несостоятельным.

Картина, однако, существенно изменится, если рассмотреть не количество синхронистов, которые традиционно работают в команде на конференции при первой или второй ступенчатой организации перевода, а исходить из числа языковых комбинаций, которые вся команда в целом должна обеспечить. Эмпирически число языковых комбинаций при обеих схемах организации синхронного перевода составляет:

$$\begin{array}{ll} \text{Одноступенчатая схема} & \text{Двухступенчатая схема} \\ \text{(Прямой перевод)} & \text{(С «главным переводчиком»)} \\ L(L-1) \quad (1a) & 2(L-1) \quad (1b) \end{array}$$

Основа нетрудно вывести более общие формулы зависимости числа рабочих языков конференции — L , среднего количества комбинаций, приходящихся на одного переводчика в команде, — q , и числа переводчиков, которые должны находиться одновременно на рабочем месте при заданном количестве рабочих языков — n (укажем попутно, что число q можно рассматривать как показатель квалификации команды).

$$\begin{array}{ll} \text{Прямой перевод} & \text{С «главным переводчиком»} \\ \frac{L(L-1)}{nL} ; q = \frac{L-1}{n} \quad (2a) & q = \frac{2(L-1)}{n(L-1)} ; q = \frac{2}{n} \quad (2b) \end{array}$$

Если при этом ввести коэффициент k к числу переводчиков, зависящий от принятых или научно обоснованных

¹ Е. А. Гофман. К истории синхронного перевода. «Тетрадь переводчика», № 1, М., «Международ. отношения», 1963, с. 23.

норвежский и обратно. Таким образом, можно прийти к выводу, что схема прямого перевода может применяться при небольшом числе рабочих языков конференции, $L = 4$.

Если в Организации Объединенных Наций среднее число комбинаций $q = 2$ уже сейчас вызывает большие трудности, нетрудно себе представить полную невозможность организовать синхронный перевод по международной ступенчатой системе при большем числе языков. Очевидно, простой вывод: сколь бы ни был прав А. Д. Швейцер, зывая на трудности и недостатки двуступенчатой системы «главным переводчиком», эта схема неизбежно остается единственно реальной и перспективной схемой в наше время. Если мы хотим обеспечить высокое качество синхронного перевода¹, то достигнуть этого можно, очевидно, путем увеличения среднего числа комбинаций, хотя некое увеличение этого числа на переводчика, вероятно, необходимо, но, главным образом, путем повышения качества перевода на «ведущий» или «осевой» язык.

В заключение укажем также, что приводимые выше формулы дают возможность рассчитывать общее число переводчиков-синхронистов, необходимых для обеспечения работы конференции, при заданных исходных данных: q , k и также исходя из того, что при схеме прямого перевода в кабине равно числу рабочих языков, а при двуступенчатой схеме — на одну меньше:

тогда — при схеме прямого перевода:

$$N = \frac{kl(L-1)}{q}$$

а при схеме с «главным переводчиком»:

$$N = \frac{2kl}{q}$$

¹ По мнению М. Н. Рыгорова, схема с «главным переводчиком» имеет то практическое преимущество, что она представляет своего рода механизм с встроенной гарантией качества, своего саморегулирующуюся систему, позволяющую очень быстро выявить малокачественного переводчика в команде.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

З. Н. Волова

(Москва)

ПЕРЕВОД И СЕМАНТИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

Ничто не сомневается в ценности средневекового литературного наследия. В настоящее время широко известны труды крупнейших памятники средневековья: «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Песнь о Роланде», «Гристан и Изабелла», «Песнь о Нибелунгах», ирландские и скандинавские саги, песни скальдов и многие другие произведения. Однако, будучи культурным достоянием всего человечества, эти тексты, написанные на языке оригинала, до сих пор, как правило, лишь специалистам, а общеизвестными стали благодаря переводу. Естественно, что в таких случаях, когда переводчик фактически является единственным связующим звеном между текстом и читателем, роль и ответственность повышаются. В этом случае весьма адекватности перевода встает особенно остро. Принципиальный перевод средневекового текста зависит от ряда факторов. С одной стороны, текст является объектом внутритекстовой системы, так как несет фонетическую, грамматическую и лексическую нагрузку языка. С другой — как объект духовной культуры, он несет внетекстовую действительность, являясь объектом семиотической системы.

Следовательно, оптимальная интерпретация текста, от которой во многом зависит правильность перевода, основывается на осознании собственно лингвистических и семиотических факторов.

Лингвистическая система средневековых милописмен-ных языков, будучи хорошо известна благодаря многочисленным описаниям, практически не вызывает затруднений переводчика или филолога, интерпретирующего текст. Главная трудность возникает при сопоставлении слов и реалий, то есть на уровне «дискурсант». Иначе говоря, переводчик сталкивается с проблемой: в какой степени

соответствует семантика выбранного им слова или словосочетания любого современного языка (то есть языка средневекового текста на современном этапе его развития или современного иностранного языка, на который переводился средневековый текст) семантике корреспондирующего или словосочетания в средневековом тексте.

Вопрос об адекватности перевода приобретает новую важность, когда речь идет о передаче так называемых ключевых слов, то есть слов, относящихся к морально-этическому нормативу и определяющих семантику текста. Известна взаимосвязь языка и общества, истории народа и истории языка. Исторические изменения придают языку, так и говорящему на нем народу. Каждая общинно-историческая формация накладывает отпечаток на язык. То или иное понимание исторических реалий ставится в языке, что, прежде всего, проявляется в семантике текстов и отчасти в изменении значений слов. Это справедливо и для текстов феодального периода.

Остановимся на нескольких переводах ключевых слов «Песни о Роланде». Это старофранцузское произведение записанное в XII в., до сих пор пользуется большой популярностью. Существует много переводов поэмы на различные языки, особенно на французский. Однако, как справедливо отмечает Дж. Джоунз, «любой современный перевод «Песни о Роланде» искажает или делает несмысленными ее традиционные черты, характер, потому что уделяет недостаточно внимания семантическим изменениям»¹.

В центре наших интересов вопрос о том, как именно передаются ключевые слова, то есть вокабулы, соотносимые морально-этическим нормативом в «Песни о Роланде» авторитетных переводов.

Морально-этический норматив эпических песен поставлен наивысшей воинской доблестью, храбростью, были основные качества, которые характеризовали идеального средневекового рыцаря². Идея «лучше погибнуть, бежать с поля боя» отражена в «Песни о Роланде» около раз. В четырех тысячах стихах Песни имеется 1024 слова употреблены, так или иначе соотносимых с понятием «доблести». Однако слова, означающие «доблесть», «доблестный» в Песни, могли утратить это значение в последующие

исторические периоды. В некоторых случаях сами лексемы перестают входить в словарный состав современного французского языка, как, например *isnel смелый, быстрый*, *fier смелый, гордый*; в других происходит семантическое сдвиг: ст. фр. *fier смелый, гордый* > совр. фр. *fier гордый*; ст. фр. *vertueux доблестный* > совр. фр. *vertueux доблестный*, то есть обладающий добродетелью в современном смысле этого слова. Реже слова *hardi*, *vallant* сохраняют значение «доблестный», «смелый».

Интересно сопоставить переводы старофранцузских слов, имеющих идею «доблестный» в «Песни о Роланде»¹, на современный французский и русский языки, выполненные Белье², Л. Готье³ и Б. Ярхо⁴.

1. *Hardi* (4)⁵ > совр. фр. *hardi смелый*. Переводы Белье: *hardi* (4); Готье: *hardi* (2), *vallant* (2) *смелый*; Ярхо: *непобедимый, смелый, предгорный, отважный*.

2. *Riches* (14) > совр. фр. *riches богатый*. Переводы Белье: *riches* (7), *haut* (1) *высокий, fort* (1) *сильный, puissant* (1) *могущий*; Готье: *riches* (3), *puissant* (8), *riches et puissant* (1) *богатый, gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (4), *grand* (1) *большой*, *gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (1), *grand* (1), *адатный* (1), *силен* (1), *кучильный* (1), *знатный* (1).

3. *Combatant* (3) > совр. фр. *combatant сражающийся*. Переводы Белье: *hardi* (2), *combattant* (1); Готье: *vallant* (1) и перифразы: *sans peur à la bataille* (1) *бесстрашный* и *en teneux fait pour la bataille* (1) *лучше приспособленный*.

4. *Courtois* (3) > совр. фр. *courtois куртуазный, вежливый*. Переводы Белье: *courtois* (3); Готье: *courtois* (2), *combatant* (1).

5. *Hardi* (4)⁵ > совр. фр. *hardi смелый*. Переводы Белье: *hardi* (4); Готье: *hardi* (2), *vallant* (2) *смелый*; Ярхо: *непобедимый, смелый, предгорный, отважный*.

6. *Riches* (14) > совр. фр. *riches богатый*. Переводы Белье: *riches* (7), *haut* (1) *высокий, fort* (1) *сильный, puissant* (1) *могущий*; Готье: *riches* (3), *puissant* (8), *riches et puissant* (1) *богатый, gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (4), *grand* (1) *большой*, *gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (1), *grand* (1), *адатный* (1), *силен* (1), *кучильный* (1), *знатный* (1).

7. *Combatant* (3) > совр. фр. *combatant сражающийся*. Переводы Белье: *hardi* (2), *combattant* (1); Готье: *vallant* (1) и перифразы: *sans peur à la bataille* (1) *бесстрашный* и *en teneux fait pour la bataille* (1) *лучше приспособленный*.

8. *Courtois* (3) > совр. фр. *courtois куртуазный, вежливый*. Переводы Белье: *courtois* (3); Готье: *courtois* (2), *combatant* (1).

9. *Hardi* (4)⁵ > совр. фр. *hardi смелый*. Переводы Белье: *hardi* (4); Готье: *hardi* (2), *vallant* (2) *смелый*; Ярхо: *непобедимый, смелый, предгорный, отважный*.

10. *Riches* (14) > совр. фр. *riches богатый*. Переводы Белье: *riches* (7), *haut* (1) *высокий, fort* (1) *сильный, puissant* (1) *могущий*; Готье: *riches* (3), *puissant* (8), *riches et puissant* (1) *богатый, gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (4), *grand* (1) *большой*, *gascon* (1) *газконец*; Ярхо: *могущий* (1), *grand* (1), *адатный* (1), *силен* (1), *кучильный* (1), *знатный* (1).

11. *Combatant* (3) > совр. фр. *combatant сражающийся*. Переводы Белье: *hardi* (2), *combattant* (1); Готье: *vallant* (1) и перифразы: *sans peur à la bataille* (1) *бесстрашный* и *en teneux fait pour la bataille* (1) *лучше приспособленный*.

12. *Courtois* (3) > совр. фр. *courtois куртуазный, вежливый*. Переводы Белье: *courtois* (3); Готье: *courtois* (2), *combatant* (1).

¹ J. Jones. La Chanson de Roland and Semantic Change. Modern Language Quarterly, 1962, v. XXIII, p. 46—47.
² L. Gautier. La Chevalerie. P., 1960, p. 34—36.

3. Н. Волкова. Некоторые принципы описания системы значений в диахронии. В сб.: «Научные труды МПНД им. М. Топорова», № 65, М., 1972. К проблеме диахронической преемственности значений семантического поля. В сб.: «Проблемы изучения иностранных языков», М., 1974.
4. La Chanson de Roland. Publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier. Paris, 1944.
5. La Chanson de Roland. (Traduction et commentaire par Gautier), Paris, 1872.
6. Песнь о Роланде (По Оксфордскому тексту. Перевод со старофранцузского, вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо), М., 1934.

доблесть. Яrho: *сма* (3), *хрбры*¹ (2), *хрбр* (2), *благородный* (2), *удалой* (2), а также знаменитый, отважный, честен, премудр, боец, герой, хороши народ наши рыцари. В ст. 986 перевод проз отсутствует.

20. Gentil (15) > совр. фр. gentil *милой, любезный* (1) букв. «лучше рожденный»; Готье: gentil (1), noble (1) букв. «дворянин, аристократ», gentilhomme (2) дворянин, аристократ, noble (1) *благородный*. Яrho: знатный (4), *заскородный* *благородный* (2), *державный* (2), *родовит* (1), *муд* *власи* (1), как *рыцарю пристойно* (1). В ст. 263 gentil не переведено.

21. Vassal (31) > совр. фр. vassal *вассал*. Перевод Бе: vassal (13), vaillant (11), baron (2) *барон*, hardi (1) *смелый*, chevalier (1) *рыцарь*, guerrier (1), грецх (1). Перевод Уи: в ст. 133 отсутствует. Этот стих объявлен Беде «locus regatus». Готье переводит: vassal (14), vaillant (2), soldat (8) *солдат*, baron (3), brach (2) *смельный, феодал* (1), reut (1) *без страха*. Яrho переводит: *васса* (20), *доблестный* (1), *отважный васса* (1), *рать* (2), *суга* (2), *вай* (то есть воин) (1), *мельд* (1), *герой* (1), *хрбр* (1).
22. Chevalier (1) соответствует совр. фр. chevalier *рыцарский*. Беде перевел перифразой *соголовом* *chevalier* *рыцарство*, *рыцарский подвиг*; Готье — *chevaleresque*; Яrho — перифразой *рыцарь хот куда*.

23. Bar (baron) (103) > совр. фр. барг *барон*. Перевод Бе: барон (72), грецх (10), puissant (1) *могущественный*, vaillant (11), hardi (1), rait (1) *язычник*; з ст. 2617 bar переводено. Перевод Готье: барон (90) vaillant (3) *бравый* (1) *эмур*, puissant (1), l'olant (1) *соте* (1), *граф*, *pr* (1), *chevalier* (1), *sire* (1) *сеньор*, il (1) *он*. Яrho перевод: барон (43), боец (5), *баронский* (1), *барон* (1), *выпавший* (1), *рыцарь* (4), *слава* (1), *геройски* (1), как *надлежа барону* (3), *наладин* (3), *васса* (3), *фрак* (2), *кметь господин* (1), *знатный* (1), *властелин* (1), *государь граф* (1). В остальных 26 случаях перевода бар отсутствует.
24. Bar (51) > совр. фр. бар *хороший добрый*. Перевод Бе: бар (43), vaillant (3) hardi (1), vni (1) *истинный*, beau (1) *прекрасный*. В ст. 101 и 3116 перевод бар отсутствует. Готье переводит: бар (38), noble (5), beau (2), *м*

(1) *лучший*, excellent (1) *превосходный*, rait (1), *подобный* (1) *добав* (1) *добав* (это о доблестных рыцарях и Оливьере, готовящихся к предстоящему тяжёлому бою). В ст. 134, 158 перевод бар отсутствует. Яrho переводит: *добрый* (17) *лихой* (2), *отменный* (2), *прочный* (2), *легко* (1), *добрый* (1), *чудный* (1). В остальных случаях перевод бар отсутствует.

Переводы ключевых слов в «Песни о Роланде», то есть соотносимых с морально-этическим нормативом раннего периода, часто не совпадают в трех рассмотренных вариантах. Каждый из 25 лексем имеет своим основным значением «доблестный», «характеризующий доблестного рыцаря». Однако это значение многих старофранцузских лексем не пережило средневековья и было изменено в сохранившихся в современном французском языке старофранцузских словах. Несмотря на это обстоятельство, французских словах четко прослеживаются принципы французских переводов этого текста, характерны не для Ж. Беде, но и для Л. Готье. Последний «реконструирует» оксфордский список «Песни о Роланде» за другими рукописями этого текста более позднего периода (текст нередко одержит слова и строки, не принадлежащие наиболее раннему списку, положенному в основу перевода Л. Готье). Поэтому в переводе Л. Готье имеет место замена терминов морально-этического норматива, например: *riche* на *gros* *засконец*, *bar* на *sote* *граф* и т. п. Перевод Б. Яrho более разнообразен. Автор предлагает большее число эквивалентов ст. фр. *вокабул*. В то же время этот перевод наименее полный, то есть в нем больше, чем во французских вариантах.¹

Основные принципы перевода рассмотренных *вокабул*, соотносимых с морально-этическим нормативом, следующие. Семантически неполный перевод. Ст. фр. *itane* перевод: *рыцарь, кметь, боец, те* (местоимение). В переводе Готье ст. фр. *be* соответствует *il* *он*, а ст. фр. *bar* — *il* *подобный*. В этом случае перевод не противоречит стилю, а лишь эпизодически передает содержание (ослабляет смысл).

Семантически неточный перевод. Ст. фр. *vaillant*

¹ В ст. 794 речь идет о Джерере, а то время как Яrho отнюдь не характеризует Джерину.

¹ Имеется в виду лишь пропуск ключевых слов в переводе, а не текст перевода.

соответствует: *латинский, бароны-господа*; ст. фр. *l'apais* (для обозначения титула барона имеется специальное слово *franzuzskoe slovo betagon* — 3. В.). Ст. фр. *vet* не введено Л. Готье как *état émigré*, и *site seigneur*, а Ж. Бедье как *raiein языкчик*. Л. Готье переводит *vassal* как *вассал*. В данном случае в тексте оригинала подчеркиваются боевые качества воина, то есть речь идет, прежде всего о доблести. В рассмотренных переводах на первый план выступает иная характеристика воина, также присущая ему, но не главная для переводимых контекстов. Таким образом, вместо основного признака объекта указан один сопутствующий, но также свойственных ему.

3. **Неверный перевод.** Смысл перевода противоречит оригиналу. Ст. фр. *l'apais* передается как *он*, то есть *Беликий*. В данном контексте (ст. 1704) речь идет не об императоре Карле, а о франках, так что перевод некорректен. Найм разит сарацина Малипрамиса как *доблестный воин* *супр нипсе вертудабле*. Л. Готье переводит: *d'un très vigoureux coup* *очень сильным ударом*, то есть речь идет о другом объекте (ст. 3423). Ст. фр. *vassal* передано Б. Ярхо как *рыцарь*, хотя в тексте говорится обо всех людях Карла Великого, а ст. фр. *vet* — как *государь*. Однако *vet* никогда не имел такого значения.

4. **Усиление.** Многие ст. фр. слова, которые сохранились в современном языке и не утратили сему «доблестный», же подверглись семантическому «ослаблению», как например, *vassal*. Поэтому правомернее, исходя из семантики фр. *vassal*, переводить последнее не просто как *вассал*, а *доблестный вассал*, *отважный вассал*, ст. фр. *сиптаван* не просто как *воин*, а как *храбрый воин*. Ст. фр. *vet* Ж. Бедье перевел как *гранд*, *поблэ великий, благородный*. Многие других случаях во французских переводах прилагательное *гранд* передано как *коррелят* ст. фр. *vet*. Хотя *гранд*, *поблэ* не раскрывают полностью семантику *gentil*, все же их парное употребление правомерно, употребление одного *поблэ*.

5. **Употребление исторических слов.** Можно считать удачным перевод средневековых лексем историческими терминами, так как последние, как и средневековые воины, соотносимы с морально-этическим нормативом, болей степени синкретичны и семантически емки, современные корреляты. Французские филологи переводят *grands* как *богатство, доблестный воин*. Б. Ярхо

ст. фр. *vassal* древнерусским *храбр*, означающим «воин», *блестный рыцарь*.

Итак, основным недостатком перевода средневекового текста является «осовременивание» его смысла, присущее в большинстве случаев из-за экстраполяции современных категорий в средневековые. Разумеется, многие исторические термины, утраченные в настоящее время. Поэтому не всегда возможен точный перевод. В этом случае одним из решений является перевод с помощью перифрастического перевода, то есть передача содержания описательными конструкциями. По этому поводу часто прибегает Б. Ярхо. При этом ст. фр. *vet* соответствует иногда словосочетание, иногда более сложная синтаксическая конструкция. Наиболее существенным моментом при переводе является передача содержания без искажения, а не формальные соответствия. Для адекватного перевода средневекового текста необходимо учитывать его специфические особенности, то есть семантику ключевых слов. Любой перевод должен быть только доступным для читателя, но и исторически верным.

И. М. Павлова

(Ростов-на-Дону)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ КАК КОМПОНЕНТ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Целью данной статьи является попытка провести сопоставительный анализ значений стилистически маркированных слов при их переводе с английского языка на русский. Решение вопроса адекватной передачи слованого значения, с одной стороны, отнесенностью этого слова стилистически сниженным пластам лексик, а с другой стороны, эмоциональными нюансами, является исключительной сложной и деликатной задачей. Как справедливо пишет А. В. Федоров, «в области грамматики у лингвиста, занимающегося сопоставлением, более твердая почва под ногами».

Мы не затрагиваем проблемы перевода так называемых «темных мест».

ногами, чем в области лексики, и более очевидны критерии для обобщения наблюдений. В лексике же каждый элемент каждого явления имеет более индивидуальный характер: все они, вместе взятые, с большим трудом поддаются обобщению в сопоставительном плане в силу огромного разнообразия и пестроты¹. Однако попытка провести такое сопоставление является правомерной. Она основывается на конкретных наблюдениях удач и неудач переводчика. Факты требуют специального анализа, объяснений, обобщений.

Материалом для анализа послужила известная повесть Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»². Эта книга привлекла и продолжает привлекать огромное внимание лингвистов, литературоведов, критиков как отечественных, и зарубежных (К. Чуковский, Вл. Россельс, А. Кунин, В. Хомяков, Д. Костелло и многих других). Повесть Сэлинджера переведена на 17 языков³, и в каждой стране произведение нашло отклик у широкой массы «рядовых читателей и «читателей-специалистов».

В плане сопоставительной стилистики, насколько известно, эта повесть специально не изучалась, однако признание достоинств перевода и попытка проникнуть в ментальную переводчика⁴ свидетельствуют о больших возможностях такого анализа. Следует сразу оговорить, что проблема перевода интересует нас только в тех случаях, когда она «становится проблемой сравнительной стилистики для языков, языка оригинала и языка перевода»⁵. Мы остановимся на случаях, представляющих наибольший интерес в плане данного исследования, — на наиболее типичных случаях употребления, нарочито навязчиво повторяемых автором следовательно, включенных в его послышку в качестве стилистически значимых элементов.

¹ А. В. Федоров. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., «Высшая школа», 1971, с. 15.

² J. D. Salinger. The Catcher in the Rye. M., Progress Publishers, 1968. Перевод с английского Р. Райт-Ковалевой. М., «Молдая гвардия», 1965.

³ A. Salinger. Bibliography by Donald M. Fiene. Wisconsin Studies in Contemporary Literature, v. 4, No. 1, 1963.

⁴ См., в частности: Вл. Россельс. В мастерской переводчика. «Тетради переводчика», № 3, М., «Международные отношения», 1966.

⁵ И. Р. Гальперин. Перевод и стилистика. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». М., Изд-во Академии наук. М., 1950, с. 136.

Повесть Сэлинджера представляет собой страстный монолог подростка, изливающего истинную душу читателю, увлекающего его во все свои мытарства и неудачи и требующего от читателя активного сопереживания. Холден Коллинд, герой повести — шестнадцатилетний парень, чуткий, добрый, легко ранимый, с неуравновешенной психикой, эксцентричными порывами, Аслями, языком. Язык Холдена, являющийся целью нашего исследования, представляет собой формально выраженную сущность, являющуюся реализацией всех других вытекающих из нее характеристик героя. Именно специфика речи Холдена определяет перед нами и его сомнени, и незрелость, его ума, и его отношение к действительности, представляющее собой сложную гамму чувств, где прурение может граничить с безразличием, а любовь — с ненавистью. Однако главное, что обращает на себя внимание читателя, «слушающего» болливую речь Холдена, — это специфика модальности вербона, в котором сосуществует, особенно непонятно, взаимодельствуя, с одной стороны, яркость, образность, эмоциональность, а с другой стороны, — уродство языка и ущербность речи, когда навязчивое повторение одного элемента нередко свидетельствует о худости мысли и убогом юморе. Ведь язык и сознание образуют неразрывное единство; «сознание ... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока существуют люди»¹.

Речь Холдена — это художественный образ «реальной» речи героя, художественное изображение речи «ответственной социальной среды. Речь персонажа становится явлением эстетическим², входит в изображение характера в целом и тем самым становится носителем стили³. Нам представляется правомерным мнение, том, что, исследуя художественное произведение, «необходимо подойти к нему как к самобытному, имеющему свой «акон», свою собственную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, М., Политиздат, 1955, с. 29—30.

² Эстетика — это наука о расцвете и безобразии, о боли и ненависти, о счастье и горе, о трусти и ярости, о высоком и низком, о смешном и трагическом, — иными словами это наука о тех наших высших духовных, социальных чувствах, при помощи которых мы оцениваем окружающий нас мир, выражая свое к нему отношение». (А. Нуйкин. Еще раз о природе красоты. «Вопросы литературы», № 3, 1966, с. 106)

³ См. об этом: А. Н. Соколов. Теория стили. М., «Искусство», 1968, с. 197.

необходимость и свободу явлению; изучение связей произведения с иными реальностями выступает в этом случае лишь как доступ к работе¹.

Из вышеизложенного очевидно, что, с одной стороны, язык Холдена следует рассматривать как явление социальное, отражающее его принадлежность к определенному социальному типу (поэтому каждое, особенно стилистически маркированное слово героя, несет специфическую смысловую информацию), а с другой стороны, необходимо учитывать внутренние закономерности самого произведения: глубинные законы его строения; характеры, композиция, речевой поток, то есть все то, что дает право переводчику строить русский текст непосредственно, как первичный оригинальный². Именно этим правом нередко и с успехом пользуется Р. Райт-Ковалева, находя адекватные замещения при переводе и сохраняя все основные оттенки информации, заложенные в оригинале. Так, на с. 103 читаем: ... break the goddam jaw. В сочетании goddam jaw помимо информации, связанной с предметно-логическим значением сочетания *проклятая челюсть*, заложена эмоционально-оценочная информация. Контекст-ситуация дает основание расшифровать ее как фамильярно-презрительную. Перевод этого сочетания на русский язык словом *морда* представляется адекватным: так как в нем сохранена вышеупомянутая оценочность, которая в данном контексте является главенствующей.

Далее на с. 210 автор описывает воспоминания Холдена о том времени, когда он водил маленькую Фиби гулять в парк и кататься на каруселях, которые она особенно любила: You couldn't get her off the goddam thing. Из контекст-ситуации очевидно, что Холден вполне доброжелательно относится и к самой карусели, и к пристрастию Фиби. Однако слово goddam вносит в данное высказывание определенную эмфазу, которую можно охарактеризовать как доброушно-снижительно-улыбчивую. Поэтому русский перевод «Бывало, никак ее не стащишь», сохраняющий эту эмоциональную атмосферу, представляется удачным.

Остановимся еще на одном примере из многих: Then I sat down on the goddam lap (с. 110). Это описание отвратительной сцены в номере, когда Холден попал в переплет девицей из «шпата» гостиницы. Данная ситуация дает

основание для следующей интерпретации. Очевидно, Холден был обескуражен, напуган и взбешен чрезмерно агрессивными действиями девицы. Эти эмоции концентрируются в английском слове goddam. Однако едва ли было бы на мои переводы это предложение так: «затем она села на мои карусельные колени». Неправильно потому, что в русском языке ясно прослеживается эмоциональная неправдливость слова *«протиски»* на слово колени. А это искажает все предложение. Поэтому перевод Р. Райт-Ковалевой — «и выдралась ко мне на колени» — является интересной и

верной выдержанной находкой.

Однако в переводе повести немало случаев, когда стремление переводчицы строить русский текст, исходя из слов, общей атмосферы повествования, а не из конкретных условий приводит к нагнетанию эмоциональной атмосферы, что приводит к потере информации. Начнем анализ с первого случая, то есть с чрезмерной концентрации эмоций. В оригиналах 135. Салли следующим образом отзывается о сатиру-ковсене. And you hair's so lovely. На что Холден отвечает (про себя): Lovely my ass. В русском переводе читаем: «У тебя такие чудные волосики!» «Волосики» — только «волосы» (с. 102). Переводчица использует уменье, а нейтральную форму *волосики* в качестве эквивалента эмоционально-английского слова hair для того, чтобы в этой реплике Холдена заставить героя возмутиться этой снискавшей манерой Салли выражаться. Такой перевод, конечно, нередко оправдывающий себя (см. выше), все же гораздо изощреннее, так как слово lovely уже само по себе призывает привести Холдена из себя. Ведь так и было на самом деле. Холдену слово lovely в устах мещанки Салли низменно-мещаво-вульгарно не потому, что оно относится к приоб-щам словам по общей оценке, а вследствие окраски, присущей им в вульгарной, с точки зрения Холдена, среде. Оно обращалось и откуда это слово стало ему известно! Оно с русскими словами *шик, шикарней, чудненьки, волосы!* — образцом, перевод: «У тебя такие чудненькие волосики!» — допустить можно? Было бы гораздо глупее и не потребовало бы от переводчицы дополнительные усилия, в результате которых происходит нагнетание не-нужных эмоций. Причем в предлагаемом нами варианте стилистические характеристики высказывания

¹ В. В. Кожин о в. Зачем изучать литературное произведение? В сб.: «Контекст. 1973», М., «Наука», 1974, с. 192.
² См. об этом: Вл. Р. Осел в с. Указ. соч., с. 8.

¹ См. об этом: Л. А. Булаховский. О слове как предмете изучения. «Русский язык в школе», № 3, 1955, с. 9.

ностью сохранены. В равной мере Холден не приемлет слова типа *magellous*, *grand* и т. п., которые в устах той Салли звучат искусственно, сентиментально, вульгарно. Следует отметить, что при всей своей несоборности и нецентричности Холден безосновочно углубляет в *life* фальшь, неискренность, душевную пустоту. И вследствие активно отрицательная реакция Холдена на слова *grand*. Известный лингвист, специалист по стилистическим сниженным пластам лексики Э. Парtridge отмечает, что *ва grand* следует избегать главным образом потому, что заменяет мысль ленту (a lazy man's substitute for thought). Следует остановиться на ряде примеров того как

водчик вводит дополнительные, и нередко активно нежелательные, эмоции — личные выпады, не заданные автором повести. Так, на с. 61 мы читаем: «...when heard his *goddam stupid* footsteps. Русский перевод звучит так: «...как он *мерзавец* подтопает». Можно предложить такое количество вариантов перевода, передающих недооценочное отношение Холдена к Стрэдлейтеру (переводчица неоднократно демонстрировала свое мастерство именно в этом плане), но исключаящих личное оскорбление, которое делал герой более агрессивным, чем он есть на самом деле. Мысль подтверждают следующие примеры: 1. ...in the *goddam* Ed Vanku's car (92) «в машине этого *подлого* Банки»; 2. ...with Stradlater in that *damn* Ed Vanku's car «с *подлым* Стрэдлейтером в этой *чертовой* машине». Во-первых, английские примеры обобщают однотипность модели, есть «чертыха» в адрес машины, которая помогла совершиться злу. В русских переводах личные выпады распределяются между Банки и Стрэдлейтером. Причем, если в первом примере это еще можно как-то объяснить, то во втором переводчица явно «перепрыгала», употребив слова с явно негативным оттенком эмоциональным зарядом не по адресу и в двойной дозе. На подобное «перепрыгивание» переводчицы совершенно справедливо указывал Ег. Россельс.

В дополнение к вышеприведенным примерам остаются еще на одном случае перевода, отличающемся особенным усилением эмоционального наката: Hold the *sonnabitch* Hold it up, for *Chrissake!* (197) «Держи ее, *чертенок* кука

¹ E. Partridge. Usage and Abuse, Baltimore, 1907. p. 140.

² См.: Бл. Россельс, указ. соч., с. 15.

тельно к Холдену в русском варианте. Однако это замечание абсолютно справедливо применительно к настоящему Холдену, к такому, каким его создал Сэлинджер. Речь линджеровского героя полна слэнговых словечек, вульгаризмов, идном типа *sort of*, *kind of* и просторечных речений типа *and all*, *and everything* и т.п., которые являются вами-паразитами. Так, сочетание *and all* употреблено в повести 339 раз, то есть в среднем около двух раз на каждую строку (не считая синонимического выражения *and everything*, которое удвоило бы эту цифру). И в то же время в русском переводе это сочетание в подавляющем большинстве случаев никак не передается. Причем в данном случае дело не в том, что теряется какая-то информация, заложенная этой единице. Теряется, на наш взгляд, гораздо больше: стилистическая окраска речи (а следовательно, и характер героя, одним из элементов которой является навязчивое тереение сочетания *and all*, заполняющего паузы в речи Холдена, который не терпит пустоты, но не всегда может позволить себе подыскать точное слово. Эта характеристика речи героя не является чем-то типично американским, ведь таким же пониманием русского читателя. Само существование термина «слова-паразиты» говорит о достаточной распространенности этого явления в русской речи. Речь «русского Холдена» обогатрена в определенной мере, в частности за счет того, что из его естественного лексикона вынесены «мусор». Это — несомненное игнорирование стилистических норм, общих для сравниваемых языков. Такие русские слова, как *вообще*, *все такое* и т.п. смогли бы быть стилистически адекватными заменителями сочетания *and all*. С другой стороны, автор перевода нейтрализует многие слова, которые в английском варианте, то есть в оригинале, имеют постоянную негативную эмоциональную оценку и являются стилистически маркированными. Так, на протяжении всей повести слово *damn* переводится только *денеги*. Существуют, несомненно, такие случаи, когда ходится считать эмоциональную силу некоторых слов, в основном относящихся к переводу так называемых *four letter words* и других непристойностей, встречающихся в повести. Здесь сказывается определенная разница в существ

ных этических и других социальных критериях двух различных обществ. Но в вышеприведенном примере подобные трудности не должны возникнуть. Вопрос заключается только в определении адекватной языковой единицы в языке перевода. В системе английского языка слово *damn* (по данным словарей) относится к слэнгу и включает в себя, помимо предметно-логического, эмоционально-оценочное значение, которое можно охарактеризовать как фамильярно-сниженное. Не составляет большого труда найти в русском языке близкий эквивалент. Им может быть слово «бабки», которое звучит естественно в устах подростков типа Холдена Колфида. Представляется совершенно необходимым именно так перевести слово *damn* еще и потому, что автор, играя с этим словом, употребляет и его нейтральный синоним — *money*. Это говорит о том, что автору безразлична эмоциональная оценочность, которая заключена в разных значениях с общей предметной отнесенностью. Именно поэтому представляется, что переводчик не вправе вольно обращаться с дополнительными стилистическими коннотациями значений слов.

Следует, однако, отметить, что вопрос адекватности перевода упирается не только в подбор языковых единиц, равнозначных в обоих языках со всех точек зрения, включая стилистическую. Нередко в этот процесс вовлекается проблема экстралингвистическая, связанная, например, с тем, как показать именно американского подростка, а не подростка вообще. Так, следуя схеме вышеприведенного анализа слова *damn* и его русского эквивалента «бабки», мы могли бы предложить перевести английское слово *fuck* русским словом «рз» (*rubly*), так как оба эти слова являются единицами молодежного жаргона соответственно английского и русского языков и оба включают в свою семантику стилистическую фамильярно-сниженную оттенку знания. Но употребление американским парнем слова «рз» в значении *rubly* кажется неестественным, так как *rubly* — это чисто русская реалия. Поэтому в данном случае слово *fuck* представляется единственно верным переводом. Но оно *fuck* встречается в повести и в следующем сочетании: *He cost him damn near 4000 bucks*. Переводчица просто опускает слово *fuck* из перевода. Это вполне приемлемый вариант, так как основная информация сохранена. Но исчезли стилистический колорит и эмоциональная оценочность, приходящая слову *fuck*. В данном контексте все это можно было легко сохранить при помощи следующего перевода:

1 См. интерпретацию этой идиомы: В. А. Хомяков о в. Струно-семантические и социально-стилинические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда (Волог. пед. ин-т.), с. 71.

«Выложил за нее чуть ли не 40 кусков». Слово «кусок» одной стороны, так же как слово *биск*, относится к модальному жаргону, а с другой стороны, включает в свою мантическую структуру фамилярно-снижительно-теночное значение.

Нам представляется, что перевод повести во многом притирает от того, что в него не включены жаргонные словечки типа «кусок», «бабки», «кореш» и т. п. Как справедливо отмечает Т. Г. Винокур, если заменить жаргонное слово «корешок (кореш)» его нейтральным эквивалентом — *приятель*, выражение утратит свой первоначальный смысл, так как объем и состав значений слов *приятель* и *кореш* не совпадают. «Кореш» — это «особый» приятель, это и бугатыльник и сообщник по всякому роду сомнительным развлечениям, авантюрам, но в то же время это в большей степени «друг», чем «приятель»¹. Все эти дополнительные смыслы дают основание выделить в слове «кореш» эмоциональное значение — дружески-снижительно-теночное. Этот детальный анализ различия между парами слов: *приятель* — «кореш», *деньги* — «бабки»; *4000 рублей* — 40 «кусков» и т. п. наглядно демонстрирует исключительно важную роль стилистических соответствий для передачи адекватной характеристики персонажей.

Большой интерес для сопоставительного анализа представляют так называемые слова с широкой семантикой. Обобщая широко по объему понятие и обладая недифференцированным значением, такие слова охватывают ряд понятий обозначаемых в другом языке разными словами². Мы имеем в виду в первую очередь эмоционально-оценочные прилагательные, обозначающие положительные эмоции: *terrific*, *marvellous* и т. п. и отрицательные эмоции: *goddam*, *damn*, *bloody* и т. п. Остановимся особо на слове *goddam*, которое является любимым словом Холдена. Мы зафиксируем 37 вариантов перевода этого слова на русский язык (повторения в расчет не принимались). Перечислим эти варианты с указанием страниц английского текста, где встречается данное слово: 1. дурацкий (44), 2. весь (44), 3. рокошный (40), 4. еще (44), 5. ни черта (45), 6. гнусные (46), 7. настоящий (47), 8. черт знает какие (48), 9. треклятый

пидарный (48, 96), 10. ничего (50), 11. к чертям собачьим (51), 12. какое-то (51), 13. это чертово (51), 14. самого (52), 15. черт подери (52), 16. идиотские (54), 17. кака-нибудя (58), 18. громкие (61), 19. форменный (61), 20. собственный (61), 21. в одних (63), 22. подлая (64), 23. этот наш (64), 24. телефончик (73), 25. к несчастью (87), 26. все время (90), 27. каждую (100), 28. поганые (103), 29. на черта (109), 29. ужасный (119), 30. пиконский (138), 31. огромный (158), 32. хорошая (164), 33. бездарные (173), 34. до (176), 35. что-то вроде этого самого (180), 36. эти (180), 37. нелепый (206). Мы специально перечислили заимствованные варианты перевода одного английского словосочетания, чтобы наглядно представить диапазон эмоциональной функции этого слова. *Goddam* приложимо к фактам неограниченному кругу понятий, а его эмоциональная функция чрезвычайно разнообразна: в некоторых контекстах слово *goddam* становится семантически конкретным, тогда переводчика передает его словами с конкретной предлогической отнесенностью (*громкий*, *рокошный*, *пиконский* и т. п.). В этих случаях слово *goddam* может выполнять три основные стилистические функции: описательную, образительную, оценочно-образительную и оценочно-характеристическую. В других контекстах это слово выполняет как «бесцветный» интензив (*весь*, *каждый*, *самый* и т. п.). И, наконец, это же слово может звучать как грубое прилагательное, то есть выполнять свое прямое назначение эмоциональной оценки. Такие функциональные вариации слова *goddam* зависят, в первую очередь, от ситуации общения, то есть от того, как и при каких обстоятельствах это слово было употреблено. Мы вполне согласны с Майлзом, что наличие слов еще не говорит о наличии эмоций, обозначаемых этими словами¹. Закон языка предполагает, что при чрезмерном употреблении какого-нибудь слова, оно (это слово) теряет свою силу и назначение. Особо, на наш взгляд, это относится к словам, призванным выполнять «клатаном» для выхода эмоций. Именно этот процесс происходит со словом *goddam*. Оно употребляется автором не только и не столько в его первоначальном значении, скорее как средство передачи сиюминутных эмоций героя. И эмоции могут быть положительными, отрицательными

¹ См. об этом: Т. Г. Винокур. Синонимия и контекст В сб.: «Вопросы культуры речи», № 5, М., «Наука», 1964, с. 3.
² См.: В. Г. Г. а к. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966, с. 82.

¹ J. Miles. Words and the Vocabulary of Emotion. N. Y., 1965, с. 10.

и даже нейтральными. Все эти нюансы эмоциональных теневых мастерски передает переводчица.

Однако следует отметить, что почти в половине случаев *goddaþ* вообще никак не было переведено на русский язык. Анализ показал, что полное опущение этого элемента перевода в подавляющем большинстве случаев явилось неправомерным, так как при этом теряется своеобразная манера Холдена выражать свои мысли. Эту манеру можно охарактеризовать как небрежно эмоциональную. Мы приведем несколько примеров из оригинала со словом *goddaþ*, которому нет эквивалента в русском тексте, и предложим возможные варианты перевода. Так, сочетание *goddaþ gott us hafr* (55) на русский язык переводится как *роскошные кудри*. Можно было бы стилистическую коннотацию с *goddaþ* передать интенсивом *ослепительно*, который в *goddaþ* был явную насмешку героя над пижонами типа Страттера. Сочетание *half his goddaþ life* (55) переведено в *половину своей жизни*. Можно было бы использовать в переводе слово «драгоценной (жизни)». Это — привычное русское сочетание с насмешливым оттенком значения, то стилистически адекватное оригиналу. Число подобных примеров можно было бы умножить, но, на наш взгляд, приведенных достаточно, чтобы доказать неслучайные авторских повторов, а также тот факт, что игнорирование этих «примелькавшихся» элементов видоизменяет стилистическую тональность текста.

Рассмотренное выше прилагательное *goddaþ* является по природе своей эмоционально-оценочным. Но в анализируемой повести читатель неоднократно сталкивается со словом *old*, основное значение которого является нейтральным, логически-оценочным, однако в его семантической структуре выделяется эмоциональный элемент — фамиллярно-ласкательный. В повести *old* употребляется Холденом в отношении самых различных персонажей, начиная от вратаря швейцара в гостинице (*old Maurice*) и кончая самой большой привязанностью Холдена — его сестренкой (*old Rhoebe*). Исходя из этих наблюдений, мы должны сразу исключить однозначную стилистическую функцию слова *old* в данной повести. Оно не может употребляться только как ласкательное слово (см. рекомендации словаря и тем более только в своем основном предметно-логическом значении. В повести Сэлинджера были зафиксированы эмоционально-оценочные значения слова *old*, передающие, одной стороны, добродушие, привязанность, восхищение

(все эти эмоции относятся к положительной сфере), другой стороны, выражающие презрение, сарказм и т. д. (эти эмоции относятся к отрицательной сфере). И, наконец, слово *old* (как и *goddaþ*) может выступать интенсивом выражения определенных эмоций. Переводчица нашла очень интересные решения для передачи всех разнообразных нюансов значений на русский язык. Это тем интереснее потому, что русскому прилагательному *old* несвойствен такой диапазон стилистически маркированного функционирования. Приведем ряд примеров перевода слова *old* на русский язык, разграничив при этом сферы эмоциональности: 1. отрицательные эмоции: *чертов* (*old*, 38), *покойный* (*old* Haas, 38), *дурак* (*old* Stradlater, 65) и т. д.; 2. положительные эмоции: *молодец* (*old* Marsalla, 41), *старик* (*old* Marsalla, 41), *сестренка* (*old* Rhoebe, 198), *мой* (*old* Rhoebe, 198) и т. д. Русские слова: *весь, этот (самый),* и т. п. передают значения слова в контекстах, не конкретизирующих эмоции героя. Во всех перечисленных примерах, на наш взгляд, сохранена ситуативная стилистическая окраска слова *old*, которое также относится к группе слов широкой семантикой (см. выше), а следовательно, требует переводчика особенно деликатного подхода.

Проведем анализ ряда стилистически маркированных лексических единиц в повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и способов их передачи на русский язык, мы можем сделать вывод о том, что только при сопоставительном анализе можно вскрыть новые факты, свидетельствующие о близости и различии сравниваемых языков¹, что каждый язык имеет свои специфические приемы передачи эмоциональных значений, которые восходят, однако, к общности психологических реакций людей. Мы не подвергли специально анализу многочисленные просторечные слова и выражения, которыми изобилует речь Холдена и которые, как правило, переводятся на русский язык без дополнительных стилистических коннотаций, свойственных оригиналу. Такой анализ намного увеличил бы объем статьи. Отметим только, что в ряде случаев переводчица справедливо избегает русских просторечий, так как роль просторечий и вульгаризмов в русском языке не так значительна, как в английском².

¹ См. об этом: В. Г. Г а к. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова. «Вопросы языкознания», 1966, № 2, с. 98.

² См.: А. В. Федоров. Очерки обшей и сопоставительной лингвистики. М., «Высшая школа», 1971, с. 14.

Об этом свидетельствует современная художественная литература и специальные словари (английский язык) или отсутствие (русский язык).

В заключение отметим, что обилие эмоционально-ночной лексики в художественном произведении определяет вполне конкретную его модальность, то есть авторское отношение к описываемому, определенную прагматическую направленность текста. По справедливому замечанию И. Гальперина, «значительную роль при выявлении модальности текста играет система стилистических приемов ратурной обработки, в особенности средства образности, эпитеты, повторы и др., и более глубокий анализ семантических элементов, разбросанных в тексте и не поддающийся сопоставительный анализ может помочь переводчику адекватно передать эту направленность текста, не прибегая к стилистическому аспекту информации, так как он показал анализ) нередко является главенствующим.

С. В. Алексеев

(Москва)

ОБ ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Повесть «Пиковая дама» была первым произведением Пушкина-прозаика, переведенным на итальянский язык. Перевод «оригинальнейшего рассказа знаменитого русского поэта» был напечатан в 1877 году в ноябрьском номере журнала «Rivista Europea» за подписью Е. Z.² Впоследствии итальянские переводчики неоднократно обращались к «Пиковой даме»; последний перевод, сделанный Леоне Гинзбург в 30-х годах нашего века, выдержал в Италии несколько изданий³.

Особенности «нагой» пушкинской прозы (предельно коничной и лишенной каких бы то ни было украшений, многоплановость повествования, при которой, например,

¹ И. Р. Гальперин. О понятии «текста». «Вопросы языкознания», 1974, № 6, с. 76.

² См.: З. М. Потапов. Русско-итальянские литературные связи. М., «Наука», 1973, с. 208.

³ А. Рипскин. Nouvelle e gascogne. Mondadori, 1963.

карточные термины, широко используемые Пушкиным, приобретают символическое значение, резкая речевая индивидуализация персонажей, — все это ставит перед переводчиками немалые трудности. Е. Z. и Гинзбург по-разному решают эти задачи, причем в большинстве случаев их исходят из противоположных творческих установок. В этом отношении особый интерес представляет передача архаического языка старой графини. Дело в том, что в прозаических произведениях Пушкин стремился к созданию «демократического национально-литературного языка на основе синтеза книжной культуры литературного века с живой русской речью»¹. Слова и целые выражения, принадлежащие разным стилям и разным жанрам художественной литературы, разным слоям тогдашнего русского общества, сочетаются Пушкиным в композиционное единство, в некий «средний язык», который казался современникам идеальным образом светского повествования.² На этом среднем фоне выделяется сочный бытовой язык старой графини, которая как бы отделена от других персонажей повестью 60-летним промежутком (она «сохранила все привычки... и строго следовала модам семидесяти годов»). Для создания языковой характеристики графини Пушкин вводит в ее речь типичные для барской речи XVIII века лексические и синтаксические элементы «простонародности». Советский пушкинист А. Лежнев пишет, что у Пушкина «отражен бытовой факт того времени (XVIII века): наличие «простонародного» элемента в разговорном языке всех классов общества, включая и самый «верхний»³. Современному же Пушкину языке, которым говорят другие действующие лица повести, просторечные элементы встречаются гораздо реже. Таким образом, они становятся одними из основных средств создания лексической характеристики языка графини, резко отличающим его от языка Гермина, Томского, Лизаветы Ивановны. Однако Е. Z. в своем переводе не только не пытается передать просторечие, но и сознательно «завышает» стиль реплик графини. Он исходит из того факта, что разные языки развиваются по-разному, и компоненты, составляющие язык соответствующему,

¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1963, с. 6.

² См. там же, с. 529—530.

³ А. З. Лежнев. Проза Пушкина. М., «Худож. лит.», 1966, 109.

ших социальных групп (в данном случае дворянство и неопределенные для России и для Италии XVIII века. Поэтом если светская речь в обоих языках допускает широкое пользование галицизмом (у Пушкина это заметно в синтаксисе высказываний действующих лиц), то просторечье (выступающее в итальянском языке преимущественно в диалектизмах) почти полностью исключено из языка итальянской знати. Е. Z. делает акцент на социальном положении графини, и читателю кажется вполне естественным, что такая дама говорит изысканным, сдержанным языком, а выражается близкими к речи собственных крестьян оборотами.

Однако здесь таится принципиальная ошибка, свидетельствующая о непонимании нереволучного характера творчества Пушкина. Ведь «Ликова дама», несмотря на присутствие в содержании повести фантастических элементов, относится скорее к произведению новой, реалистической литературы. «...Существо драматического произведения вовсе требует того, чтобы отдельные действующие лица говорили непременно по-своему, не так, как говорят остальные, имели свою собственную языковую маску. Задача индивидуализации изображаемого, выдвинутая в особенности дуализмом реалистической, ... имеет своим предметом не столько портрет персонажа, сколько его характер...»¹ Этот момент не в том, что персонажи говорят по-своему... в том, что они говорят сообразно их характеру.¹ Это выходящее Г. Винокура о гробовом «Горе от ума» можно понимать и в более широком смысле — в плане противопоставления способов создания характера, с одной стороны в произведении зарождающегося реалистического направления вообще, будь то жанр драматический или повестельный, и с другой стороны — в произведении литературных классицизма, где языковой портрет персонажа выступает в наиболее чистом виде; этот же прием зачастую механически переносился и в некоторые произведения других литературных направлений, в частности, романтизма, в русские и того итальянская литература, в том числе и переводческие. Следует вплоть до последних десятилетий прошлого века Гривоватая резкость просторечных и разговорных оборотов речи графини не только отражает исторический факт

личия современного Пушкину светского языка от языка XVIII века, но и определенным образом свидетельствует о характере деспотичной, капризной старухи, ее бесцеремонности по отношению к окружающим. Входя в речь графини книжные обороты, с тем чтобы предположительно отразить ее социальное положение, Е. Z. пишет ее речь экспрессивности и в какой-то мере искажает авторскую трактовку ее образа. Это становится особенно наглядным при сравнении его перевода с переводом Гинзбурга, который более или менее точно следует оригиналу.

Пушкин: Столбняк ли на тебя нашел, что ли? (гл. III)¹
Е. Z.: Sembrì una statua.²

Гинзбург: Sei diventata scema, forse?³

Даже учитывая сравнительную простоту распространенности и общности для образной системы итальянского языка слов *statua*, которое не выпадает из стилистически нейтральной лексики перевода Е. Z., *sembrare una statua казаться статуей* резко контрастирует с просторечным *столбняк* *нашел* *статуи* и грубым *diventata scema обуресть* варианта Гинзбурга.

Е. Z. обеспечивает язык графини, избегая, к примеру, перефразирования частей, которые, напротив, у Гинзбурга сравнительно свободно высказывания графини в план разговорности, таким образом, приближают его вариант к оригиналу.

Пушкин: Лизанька, Лизанька! да куда ж ты бежишь?
(II)

Е. Z.: Lisetta, Lisetta, dove corri?

Гинзбург: Lisaginka, Lisaginka! ma dove corri mai?

Пушкин: Что ж ты не одета? (гл. II)

Е. Z.: E non sei ancora vestita?

Гинзбург: E come mai non sei vestita?

Пушкин: Да что ж карета? (гл. II)

Е. Z.: E' attivata la carrozza?

Гинзбург: Ma che n'è della vettura?

¹ А. С. Пушкин. Сочинения, т. III, М., «Худож. лит.», 1963.
² А. P u s h k i n. «La donna di picche». Rivista Europea, 1877, III — IV, fasc. 4.
³ А. P u s h k i n. «La donna di picche». A. P u s h k i n. Novelle e racconti. Mondadori, 1963.

Пушкин: Раскрой-ка первый том... (гл. II)

Е. Z.: *Apri il primo volume ...*

Гинзбург: *Apri un po' il primo volume...*

Конструкция с усиительной частью *таи* и местоименной *пе*, как и наречие *ин ро'*, имеющее побудительное значение, представляют собой почти прямые стилистические эквиваленты частицам, употребленным в оригинале.

Иногда вариант Е. Z. стилистически прямо противоположен оригиналу:

Пушкин: Был ты вчера у ...? (гл. II)

Е. Z.: *Fosti ieri sera da ...?*

Гинзбург: *Ieri sera sei stato da ...?*

Употребленное здесь *passato remoto* — простое прошедшее законченное время — используется в письменной книжной речи для обозначения действий в прошлом, связанных с моментом речи. *Passato remoto* исключительноредко встречается в разговорной речи и тем более в связи с событиями вчерашнего вечера. Слова графини приобретают, таким образом, книжный оттенок.

С той же целью повышены стили Е. Z. употребляет влеченные, описательные обороты там, где у Пушкина видне конкретные понятия:

Пушкин: Глуха что ли? (гл. II)

Е. Z.: *Non mi senti?*

Гинзбург: *Sei sorda forse?*

Пушкин: Брось эту книгу, что за вздор! (гл. II)

Е. Z.: *Getta codesto libro, non val nulla.*

Гинзбург: *Lascia stare questo libro, che scioсheschi*

Пушкин: ... нечего было наряжаться. (гл. II)

Е. Z.: *Ega inutile tanta eleganza!*

Гинзбург: *... era inutile mettersi in ghingheri.*

Облагораживая язык графини, Е. Z. смягчает резкие безапелляционные приказания своеобразной старухи.

Пушкин: Вели скорей закладывать карету. (гл. II)

Е. Z.: *Ti ho detto di far attaccare.*

Гинзбург: *Fa' prèparare presto la vettura.*

Категоричность приказа, в точности переданная Гинзбургом, сменяется у Е. Z. холодным, высокомерным тоном.

инем. В другом случае императив заменен изящной благой конструкцией.

Пушкин: Отошли это князю Павлу и вели благодарить...

Е. Z.: *Rimandalo al principe Paolo con mille ringraziamenti.*

Гинзбург: *Manda questo al principe Pavel e fallo ringraziare.*

При сопоставлении двух переводов видно, что Гинзбург принимает в своем варианте присущую языку графини экспрессивность и в основном решает задачу индивидуализации образа средствами языка. Ближе следуя Пушкиному тексту, он, однако, впадает при этом в другую крайность: в его переводе нередко встречаются буквализмы. Для передачи эмоциональности некоторых просторечных оборотов, которая нередко содержится в уменьшительных и ласкательных суффиксах слов, Гинзбург использует обыкновенную транслитерацию: *Лизанька* — *липка*, где значение русского суффикса, разумеется, не ощущается итальянским читателем (ср. у Е. Z. — *lilla*). Правда, этот случай может быть оправдан общей тенденцией к транслитерированию собственных имен. Однако Гинзбургом транслитерируются и просторечные обращения: *батюшка* *батюшка*, *матушка* *матушка*, объяснения которых приходится прибегать к обширным кам, что противоречит одному из главных принципов книжной прозы — не отягекать от стремительно развивающегося повествования. Ради этой «стремительности» Пушкин жертвует отдельными подробностями и деталями, этим же объясняется заметный «сдвиг» в лексическом составе повести в пользу глагола за счет «стативных» элементов — прилагательных и наречий.

Не удалось передать ни экспрессивности, ни просторечного оттенка русского междометия и в следующем случае: Пушкин: И, мой милый! Что в ней хорошего? (гл. II) Гинзбург: *In, mio caro! Cosa c'è di bello in lei?* Вот пример неудачного послонного перевода просторечного обращения, где стилистическая окраска, очевидно, теряется:

Пушкин: Что ты, мать моя! (гл. II)

Гинзбург: *Che fai, madre mia!*

ного уровня поэтической культуры читатели/слушатели остаются в силе вывод, сделанный в 1939 году В. Шенкелем: «И Пушкин, и Маяковский требуют для понимания которого усилили, но это усилие вознаграждается»¹.

Сказались ли на переводческой установке эти две особенности поэтики Маяковского? Какой предстает поэтическая система Маяковского перед итальянским читателем? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим, как в переводческой практике отражены свойства рифмы Маяковского — есть ее смысловая и просодическая функции.

Общезвестно, что для поэзии Маяковского характерно усиление просодико-семантической функции рифмы. «Рифма Маяковского — всегда носитель смысла, поэтому возможна только в определенном контексте»². «... Рифма как и все другие элементы стиха, является частью словесной конструкции, в которой смысловые и фонетические стороны слова находятся в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии»³.

Таким образом, рифма Маяковского — составная часть содержания, важный элемент всей поэтики.

Попробуем условно выделить этот элемент так, как представлен в переводах, и в соответствии с проведенными исследованиями (Н. Харджиев, Б. П. Гончаров, М. П. Шамаев и др.) классификацией (типологией) рифм Маяковского наметить возможную типологию итальянских рифм, логичных рифмам поэта с примерами рифм-омонимов, осуществленных в итальянской поэзии.

Но прежде чем перейти к типологическому описанию рифмы, необходимо кратко остановиться на господствующей в итальянской переводческой практике принципах переводит белый стих. Белый стих (безрифменное стихописание) распространен и в Италии, как в поэтической, так и в переводческой практике. Кроме того, в переводческой практике господствует принцип интерлинеарности: переводчик ставит перевод, внешне напоминающий подстрочник. Не ставятся возможные в этих кратких заметках дать поэтическую интерпретацию принципа интерлинеарности. Достаточно, однако, заметить, что интерлинеарный перевод

позволяет передать совокупность тематического содержания поэтических произведений, в которых содержание выделено так можно выразиться, равнодушно к форме. Поэзия же произведена, в которых осуществлена новация (или явная) перестройка формы, в которых достаточно просматривается технология поэтического творчества, оказываются обедненными в этих своих свойствах и, следовательно, обедненным оказывается и их содержание. Хотим отметить, что читатель остается, так сказать, дважды обедненным: поскольку та форма, которую приобретает интерлинеарный перевод, для него все-таки имеет значение, читатель и считает ее формой данного поэтического произведения. Иначе говоря, читатель Маяковского, если не обладает дополнительной компетенцией, приходит к выводу, что Маяковский писал белым (нерифмованным) стихом.

Интерлинеарный принцип в этом смысле в высшей степени противоречив. С одной стороны, чисто внешне он позволяет перевести поэтическое произведение, даже если дана оригинальная форма не присуща поэтической культуре данного языка, но с другой стороны, те, кто придерживаются этого принципа, как бы молчаливо признают, что форма непереводима, не может быть воссоздана. В историческом плане принцип интерлинеарности как бы отрицает подчиненность переводческой поэтической культуры «основной» национальной поэтической культуре, в культуре поэзии данного переводящего языка.

Важно отметить, что такая постановка вопроса нуждается в существенных уточнениях. Во-первых, весь опыт переводческой практики в области художественной литературы не способствует именно переводной литературе неспособностью перестройке содержания и формы литературного произведения. Наиболее интересным и современным взглядом является, например, влияние переводов итальянской прозы на стиль итальянской прозы, осуществленных Чезаре Павезе и Элио Витторини в 30-х—40-х годах, и влияние поэтики Маяковского и переводов его произведений на становление тонического стиха в польской поэзии. Во-вторых, подчиненность переводческой культуры

¹ Там же, с. 74.

² Н. И. Харджиев. Заметки о Маяковском. В сб.: «Поэтическая культура Маяковского». М., «Искусство», 1970, с. 228.

³ Там же, с. 202.

М., например, В. В. Тренин, Н. И. Харджиев: «...инициализирующая поэтическую технику роль составных рифм Маяковского настолько велика, что они проникли даже в индоевропейскую поэтическую систему, в которой по общепринятому

ры, о которой говорилось выше, есть подчиненность чуждому действительному, так как достаточно переводческой культуры под действием своих внутренних причин, то есть при связанных со спецификой переводческих дела, подчиненных на уровень, соответствующий качествам переводимой своей национальной поэзии (или обем одновременно чуждой этой подчиненности, эта зависимость стала вполне малой. В самом деле, переводная литература есть чуждая общему, национальной литературе, и как таковая развивается вместе с ней. Это, однако, не исключает возможности своего, особого развития или, по крайней мере, своей, особой роли в общем культурно-художественном процессе. А эта особая роль может выражаться иногда и в стимулировании, под воздействием внешних причин, восходящих к качествам переводимых литератур, процессов, иногда чуждых, а иногда потенциальных, происходящих в «большой» оригинальной, национальной литературе.

Интерлинейный перевод обедняет совокупность поэтических качеств произведений именно потому, что еще сходит стороной проблеме формы, или, точнее, решает негативно, то есть суммарно, не выявляя ее особенности. По существу он искажает поэтические произведения, в которых новаторские установки реализованы в конкретных поэтических новациях, в том числе формальных.

Такому обеднению и искажению подвергается поэзия Маяковского с ее намеренным, форсированным новаторством. Интерлинейный перевод не в состоянии выявить новаторство, он искажает в глазах читателя подлинный лик его поэтики. Интерлинейный принцип наиболее типично проявил себя в данном случае еще и потому, что итальянской поэзии не было фигуры, сравнимой с Маяковским с точки зрения сплошного обновления содержания, ее стиля и языка.

Если исследователи творчества Маяковского у нас СССР, а особенно за рубежом, ставят подчас «завы-

шим условиям возможен только женский тип составной рифмы Маяковского. М., «Искусство», 1970, с. 278.

1 См., например, по этому поводу замечание Л. А. в т. 1 «... Поэзия Маяковского остается в какой-то мере не понятой, смысле, что исследователи, выделяя в ней исключительно новации стилистических средств и экспериментирование в области техники стиха и формы, упускали из поля зрения сложный процесс, через который эти новации становятся незаменимыми эле-

ми» функции формы, то переводчики склонны, в силу привнесения материала родного языка, «занижать оленей» что приводит к искажению роли и качества формальных новаций в переводимых текстах.

Поэтика Маяковского при переводе его произведений итальянский язык может быть передана только при условии интенсивного пересмотра и обновления всех формальных средств, используемых при переводе, а это значит, что современная итальянская поэзия не может не менее некоторые переводчики делают попытки копировать недостатки интерлинейного перевода, с одной стороны, и нелогичность данностей итальянской поэзии, другой. Эти попытки предпринимались прежде всего в стихе рифмы.

Роль рифмы в поэтике Маяковского говорилось выше. Если добавить только, что выделение рифмы в качестве критического рассматривания проблем поэтического перевода естественно должно сочетаться с анализом принципов перевода и иных аспектов поэтической формы и техники. В этой статье анализ будет посвящен рифме и только ей, так объем этих заметок не позволяет достаточно подробно глубоко проанализировать другие аспекты перевода. Мы рассмотрим перевод поэмы «Владимир Ильич Ленин» которых сатириконовских произведений Маяковского.

* * *

Рифма Маяковского необычна: ее просодико-семантическая функция обострена до крайности, она играет в стихе ритмического и звукового организатора, является элементом, организующим смысловое движение стиха.

Маяковский писал, что «без рифмы стих рассыпается», «заставляет все строки, оформляющие одну мысль, сливаться вместе»; «...я всегда ставлю самое характерное в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни было». В результате моя рифмовка всегда необычайна и ужасна, и в слове нет». Рифма связывает строки, поэтому ее матери-

мира идей и поэтики и, следовательно, не схватывают поэзию ее значимости». «Foglialesto e avanguardia in Russia». Roma, 1921.

ал должен быть еще крепче, чем материал, пошедший на остальные строки»¹.

Поэт, таким образом, подчеркивает смысловую и низкую функцию рифмы, ее структурно-семантическую роль.² Вместе с тем поэт показывает, что такую роль поэтической системе может играть не всякая рифма, а только, пригодная для связывания строк. Рифма «полная, зрелая» не годится для этих целей. В статье «Как же стихи?» Маяковский, говоря о работе над стихотворением Сергея Есенина, объясняет, почему рифма «резвость» для него не приемлема. «Когда вы говорите „резвость“, то рифма „резвость“ напрашивается сама себе будучи произнесенной, не удивляет, не останавливает нашего внимания. Такова судьба почти всех однородных если рифмуется глагол с глаголом, существительное с существительным, при одинаковых корнях или падежах т. д.»³.

В той же статье Маяковский показывает, что необычная рифма не может строиться на основе созвучия, опирающегося на согласные звуки (см. его обобщенные рифмы «врезывался — трезвость»). Это последнее обстоятельство окажется очень важным, как мы увидим при дальнейшем обосновании возможности создания итальянских лотов рифме Маяковского.

Сам Маяковский признавал важность меры и гармонии стихотворчества, «не догматизировал свои принципы мовой техники» (Н. Харджиев). «Конечно, не обязательно усаждать стих вычурными аллитерациями и сплошь небывало зарифмовывать. Помните всегда, что режим номии в искусстве — всегдашнее важнейшее правило всего производства эстетических ценностей. Поэтому, давая основную работу, о которой я говорил в начале, мы эстетические места и вычурности надо сознательно избегать для выигрыша блеска в других местах.

Можно, например, полурифмовать строки, связанные

¹ В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, М., с. 106.

² См., например, указание на воздействие знаковой и звуковой сторон рифмы у Б. А. Ларина, сделанное до выхода статьи Маяковского, в статье «О лирике как разновидности жестовой речи» в книге «Эстетика слова и язык писателя» (Худож. лит., 1974, с. 85).

³ В. В. Маяковский. Указ. соч., с. 106.

или в ухе глагол с другим глаголом, чтобы подвести к единой громкоглагольной рифме»¹.

Следующей особенностью поэзии Маяковского, имеющей особое отношение к проблеме ее перевода, является ораторский, речитативный характер его стихов. «На характере Маяковский всегда все раскрывается уровень поэтического искусства. Но так как рифма является только наиболее полным проявлением общей ритмической и звуковой организации стиха, то естественно, что Маяковский уделяет особое внимание и более сложным явлениям: звуковым играм и звуковым сдвигам»². Речитация и использование нового сдвига или его недопущение, когда он носит отпугивающий характер (см. рифму поэта: «Не придет он так *вот*, где же *вот* звучит как *живот*»), создает, как мы увидим ниже, дополнительные возможности при переводе рифм Маяковского.

Таким образом, у Маяковского преобладает рифма «сделанной звуковой ошутимостью» (Б. П. Гончаров) в смысле примата произношения, то есть рифма у поэта в основном «устеческая» (Б. П. Гончаров). Это основное свойство поэтики и рифмовки Маяковского детально проанализировано в работе Б. П. Гончарова «Звуковая организация стиха и «темы» рифмы»³. В нашей типологии рифмы будут использованы отдельные виды рифм Маяковского, предложенные в классификации, сделанной Б. П. Гончаровым. Ораторский характер поэтики Маяковского отмечен всеми итальянскими переводчиками. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить, есть ли в фонетической системе итальянского языка возможность, homologичные свойствам русской поэтики, а применительно к поэзии — качествам тонического стиха, ассонантики и т. д. «Стиха вообще», стиха отдельного, независимого от конкретной базы того языка, к которому он принадлежит, нет и не может существовать в природе. Стих заполняется словами, которые соединяются по сложным комплексам, синтаксис, синтаксические цели по тем же принципам, что и всякая человеческая речь. Он обладает какими-либо автономными, независимыми от того языка средствами словообразования или сочетания. Как и прозаическая речь, стих воплощает в себе фоне-

¹ Там же, с. 112.

² См. подробнее: В. В. Тренин, Н. И. Хараджиев и в. Маяковский о качестве стиха. В сб. «Поэтическая культура Маяковского», М., «Наука», 1973.

³ Там же, с. 219.

тическую структуру, законы морфологии и синтаксиса данного языка. Никаких фонетических признаков, отсутствующих в данном языке, язык включать в себя не может. Эту формулировку следует принять с одной оговоркой. В синтаксисе, ни фонетические реализации в поэзии в определенном смысле слова не даны раз и навсегда, они развиваются по законам прежде всего поэзии, а потому и языка; в поэзии могут реализоваться такие свойства языка, которых мы не увидим на его поверхности, но которые проявляются в области поэзии для ее нужд и в силу ее специфики. Специфика поэтики итальянской поэзии некоторые характерные черты поэтики Маяковского? На этот вопрос мы и попытаемся ответить, хотя по необходимости кратко и применительно только к проблемам рифмы в поэзии Маяковского.

Особая роль рифмы в поэзии Маяковского вынуждает поставить вопрос о необходимости перевода стихотворения поэта, рифмуя созвучия так, чтобы показать семантическую роль рифмы и новаторскую специфику поэтики Маяковского. Эта необходимость ощущается и переводчиками. Так, например, А. М. Рипеллино примерно из 1200 строк поэмы «Димитр Ильич Ленин» зарифмовал 85 пар строк, то есть из 170 строк, тем самым как бы признав неправомерность этого интерлинейного стиха при переводе, и создал 12 «новых», необычных рифм и приблизительно столько полурифм (А) (см. ниже Типология). Значительно далее пошел переводчик Р. Факкани (В), который даже дал поэтическое обоснование своим поискам и находкам. Факкани пишет: «В связи с относительной «подвижностью» ударения в итальянском языке, при переводе стихов Маяковского сделай попытку применить принципы главным образом поэтической версификации (...). Что же касается рифмы Маяковского (и современной русской поэзии), то надо учесть, что она рождается из созвучия по **крайней мере двух** звуках (двух «фонем»): как правило, последней ударной гласной «близкой» к ней согласной, которая может наодиться в ней или следовать за ней. Так, например, не дают рифмы *окно* и *ремесло*, *война* и *глаза*, но могут составить рифму *окно* и *давно* и *глаза* и *казарм*, *умер* и *думе*, *капитан* и *ками*, *городе* и *морде*. Переводя Маяковского, я и попытка отразить это явление рифмами Репи — *gim*, *Onan* — *di* *sillaba* — *tandibola*; *tratto* — *barattoli* (привожу

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., АН СССР, 1952, с. 220.

² Majakovski — Satyricon, il Caffè, № 1, 1971, p. 137.

интересные случаи). Иногда мне удавалось получить форму тина nell'aria — stellare, digesti — del resto, которые русские поэты называют «глубокими». Такая постановка вопроса о переводе рифм Маяковского на итальянский язык свидетельствует о том, что под давлением материала переводчик пытается в переводимом языке найти явления, аналогичные оригиналу, с тем чтобы добиться адекватного перевода на всех уровнях текста, ибо в данном случае «практика перевода осуществляется не во имя коммуникации или коммуникативности, но на своем языке и по отношению к своему языку для совершенно нового и истинного переосмысления традиционного языкового чутья»¹.

На какой основе, в силу каких причин переводчики, как будто из приведенных примеров, смогли создать рифмы, типичные рифмам Маяковского? Было бы неправомерно предположить, что их рифмы — создание только их поэтической техники и языкового чутья. Исторически и в итальянской оригинальной, непереводной поэзии были отмечены и в формировании рифмы, сдвиги, которые, однако, не имеют к сплошному обновлению рифмовки. И в этом еще раз доказательство того, что рифма, как и любые другие элементы так называемой формы, не создается независимо и самодостаточно, а является его необходимым завершающим, и самодостаточным элементом.

Предвидит не стандартной, не «полной», не «прозрачной» рифмы в итальянской поэзии нового времени мы наблюдаем в произведениях Пасколи и стерусолати², а из современности — прежде всего у Монтале³. Флора, в силу того творчества, что такая рифмовка, например у Монтале, эпизодический характер, называет ее *pregiata*, то подчеркивает ее некоторую изысканность. Но одноименно Флора свидетельствует, что Монтале и другие поворачивались к такой рифме довольно часто, никак не имея этот факт, то есть подтверждая, очевидно, что и у других поэтов она имела характер предпозности, изысканности. Другой исследователь, П. В. Менгалдо⁴, подчеркивает

¹ Витто Гентили. Prospettive critiche nell'interpretazione della dei lirici. II Venti, n. 38, Milano, 1972, p. 23.

² «Сумеречная» поэзия — литературное течение конца XIX — XX века.

³ См., например: F. Florio. Scrittori italiani contemporanei. Nistri-Lischi, 1959, p. 154.

⁴ P. V. Mengaldo. Ricerche sulla lingua poetica contemporanea. Liviana, 1966.

ет важность новшества, принесенного Пасколи в итальянскую поэзию. Пасколи создал *rima ipermetra*, то есть в риминескую систему итальянской поэзии был введен пририфмовки слова с ударным вторым слогом от конца слова с ударным третьим слогом от конца, то есть аллитивная (но пока не новая, в силу того что она не получила широкого распространения) система пририфмовки. Все меры такой пририфмовки приведены в Типологии с указанием авторов, то есть поэтов (авторские) и переводчиков (переводческие).

В Типологии дается краткая классификация и систематизация достижений переводчиков и результатов новой пририфмы в итальянской поэзии в их аналогии с пририфмовкой Маяковского. В случаях, когда аналогии-рифмы и аналогии-элементы взяты из иных источников (не поэтических), указываются особо. Рифмы-аналоги и элементы-аналоги предложены автором данной статьи, даются без помощи Типологии является, как уже было сказано, классификацией и систематизацией, поэтому в ней не дается никаких оценок рифмам с точки зрения адекватности смыслу, поэтической и т. д.

Типология аналогов рифме Маяковского А. Рима ipermetra

1. Рифмы авторские

tramonto — *brontola*; *pronto* — *brontola*; *spigo* — *gola*; *intrigo* — *sfrigola*; *esali* — *alto*; *tavolo* — *schia*; *chiato* — *cantarono*; *pudi* — *incudine*; *anima* — *um* (Pascoli, см. Flora, там же); *benessere* — *inespressa* (Pascoli); *dividono* — *grido*; *vecci* — *intrecciano*; *fuggi* — *ne*; *affondano* — *sponda*; *miracolo* — *ubriaco*; *alto* — *valli* — *pallido*; *asoli* — *caso*; *s'artovella* — *martell*; *intristisco* — *fiotiscono*; *fuggo* — *struggono*; *s'arresta* — *pulviscolo* — *invischia*; *schegge* — *saccheggia* и т. д. (Pascoli, см. Flora, там же); *soltitudine* — *pudi*; *templi* — *ric* (Martini, см. Flora, там же); *stridono* — *grido*; *biondi* *roncini*; *poleggio* — *collegi* (Gozzani, см. Flora, там же). Рифма может быть обогащена, как видно из примеров сонансом: *nt* — *nt*; *tr* — *br*; *tramonto* — *brontola*; *intrigo*; *intrigo* — *sfrigola*; *ani* — *ani*; *nn* — *nn*; *nn*; *nn*; *nn*; *nn*.

Некоторые рифмы следует признать полурифмами, что от отсутствия четких критериев ее выделения тоже может ставиться спорным. Для *schegge* — *saccheggia* Флора, например, дает определение *assonanze*, *pallide assonanze* (там

2. Рифмы переводческие

allaba — *mandibola*; *tratto* — *barattoli* (Faccani); *alto* — *distant*; *crisi* — *miseri*; *ibrida* — *idra*; *procla* — *lacrime*; *rombi* — *rompono* (Ripellino); *lacrime* — *lacrime* (Zvete, единственная рифма в переводе поэмы «Владычица Ильяч Ленин», Milano, Einaudi, 1964).

Вполне обоснованным будет в этой связи предложение пририфмой и также созвучие, как *muscoli* — *molluschi*, полнота согласных комплексов соответствует *ржжж* — *жжж*, то есть рифме, которая строится исключительно на согласных, как указал М. П. Штокмар¹.

В. Рима composta²

1. Слово + два слова

1. Рифмы авторские

mondo — *don do* (Folgora da San Geminiano); *pur li* — (Dante); *conosco le* — *Foscolo* (Gozzani, см. Flora, там же); *lunido*; *io* — *dio* (Pascoli).

2. Рифмы переводческие

nell'aria — *stellare*; *diresti* — *del resto* (Faccani); *di* — *o* — *Dubasov*; *riturbina* — *un'urna*; *frastuono* — *quest'uo* (Ripellino); *disastri* — *d'astri* (Poggioli). К данному можно отнести и следующие случаи: *acerbe torture* — *lisselburg*; *Zimmerwald* — *serpe sollevare* (Ripellino), *ancie* консонантической, а также рифму Факкани, если ее считать: *d'Onan* — *donna* (у Faccani: *Onan* — *donna*).

II. Два слова + два слова

К этому типу можно отнести *solo Zimmerwald* — *serpe sollevare*, а также *gabida butasca* — *barba raschi* ввиду

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., АН СССР, 1952.
² Определение заимствовано из: G. Devoto, O. l. Dizionario della lingua italiana, 1971

богатства консонантики. Создание рифм этого типа не ставляет особенной трудности и позволяет ввести в рифмическое единство большое количество семантических значений.

III. Три слова + слово

1. Рифмы переводческие

Сюда можно отнести при расширении консонантной группы габбиа бутаса — verde, баба гасчи.

Этот тип также позволяет довольно свободно соединять слова с различным семантическим значением, что особенно важно в поэзии. Кроме того, обращение к рифмическому принципу позволяет во всех типах, и особенно в этом, расширить возможности рифмовки и семантической аттракции в пределах рифмующегося единства. Так, например, рифма *io dici — melodic* вполне приемлема, если *io* произносится как *те* — *те* — *те* — *те*. То же самое можно сказать и о *al trolo — alto, oh no*. Разложение/составление рифм из групп в два, три и более слов с группами в два, три и более слов не только увеличивает беспредельность фантазии и чувства меры. Для того чтобы показать принцип такой рифмовки вполне пригоден с точки зрения технической, автор данной статьи зарифмовал все слова словаря Салинари¹ от *gababato* до *gascendete*. Естественно, как уже говорилось выше, данные рифмы не могут и не могут никакой эстетической ценности.

Список полученных рифм: *gababato — gabbia babbia di barbagio; (gercio) gabattino — gabescia il tinobballinag; la gabbia alligante; gabassate — con gabbissate; gabbellire — le gabbie e le ire; gabesciate — gabbia bergiare; gabbinico — con gabbia cinico; gabbinigabbie e fistime; gabbinista — gabbia innesta; gabbin (la) gabbia, gabbinio gabioso — (di) gabbia bilioso; gabbinre — (alla) gabbia abboscate; gabbinire — (le) gabbie e bone ire; gabbasciare — (con) gabbia bergiare; gabbevi (con) gabbia il breviario; gabbrupare — (di) gabbia abbrutuscate — (la) gabbia buscare; gabbiare — (di) gabbruffare; gabbiro — (di) gabbia lo sbruffo/(di) gabbi*

lo; gabbiare — (di) gabbia abbaiare; gabdomante — gabbia domante; gabescare — gabbia, esca al re; gabescia (con) gabbia la scatola; gabesco — (con) gabbia esco; gabescite — (della) gabbia il cascante; gabescano — (con) gabbia Calno; gabido — (di) gabbia avido; gabotto — gabbia lo; gabbia — ora l'avo/l'ha ora l'avoio; gabarriscio — gabbio; gabescare — accatta il re; gabesciare — cello gabescate — or al cenno d'ira. Следует заметить, что у переводчика, как и у Маяковского, есть возможность рифмовать фамилии и слова иностранного происхождения, как например: *Nietzsche — cantiche (lato, см. Floa, там же)*, а с учетом рифмации возможны и типа *da qui a la' — d'aquila*.

С. Приближенный рифма (Б. П. Гончаров), глосса elusa (Floa, там же)

Рифмы авторские

gabdoma — forte; rompa — gimbrampa; schegge — bergia (Montale, см. Floa там же).

Рифмы переводческие

gabini — Lenin; millenni — Lenin; sillaba — scibile; gabio — gurgite; colivie — pivole (Ripellino); Peru — Onan — donna (Fascini); sempre — ventre; stende — gabbie; altri — canti; erivendolo — vendono; gemono — gabbie (Roggio).

К этому типу вполне можно отнести, ввиду богатства консонантики, рифмы типа *zartistici — Svizzera; verde — (Ripellino); mano ferma — Komintern; tuoi nevali — maia (Roggio)*. Этот тип рифм отличается, очевидно, от рифм, как определяет ее П. В. Ментальдо: «*quasi-assistenza — di fende*» (там же), а также от «созвучий»: *lanza fonica consimile rapido — orrido* или «*glia imitata ruvido — dilucio*» (там же). Рифма *tuRgido — dite богаче ruVido — DiLVio*, так как в последней *duv* как бы растворяется в *lvi*.

Д. Кагамбурина рифма (Б. П. Гончаров)

Этот вид рифм сравнительно редок у Маяковского, но представляет значительный интерес как пример использования семантической аттракции в стихе. Естественно, кагамбурина рифма по своей природе чаще всего используется

¹ C. Salinari. Vocabolario della lingua parlata in Italia, Milano, 1967.

в иронических (сатирических) целях. Потенциально любая каламбура, выраженный одним словом, уже является рифменной парой. Каламбуры, как известно, широко используются в некоторых литературных жанрах, иногда в проблематике каламбурной рифмы — это скорее проблема каламбура, чем рифмы. Как только в тексте имеется возможность соотносить фонетическо-семантический облик одного слова с другим, возникает возможность создания каламбурной пары. Каламбуры в итальянском языке в основном торжуют те модели, которые используются и в других романских языках (например, во французском), но имеются оригинальные, как нам кажется, формулы, как например построение каламбура при спелении одного слова + или двух слов + два слова, что особенно важно для модели типологии составной рифмы:

«Rosso come già lo (= giallo) vedete» (P. Petrov, Dizionario universale della lingua italiana, Milano, Treves, 1891) с пометой: scherzoso, equivale di per sé a giallo.

«(...) Nel frattempo...» Gabrielle Orsini scrollo eapo, sortise; poi, traendo un lungo sospiro, disse: «Fra Tempo è un monaco, vecchio mio, che vuol crederci illusioni» (Pirandello, Formaità).

Следующие примеры взяты из газет и журналов с шифровкой каламбура: stato d'assedio — stato di sedici; pannello d'allarme — capannello dell'arte; Sargozza sarà goffa; sarra e sprada — chiara e sprada; la iittoriana l'elettoganea.

Естественно, каламбур может строиться и без введения противопоставления, но в этом случае он не будет рифмы. Следует отметить, что переводчики не всегда внимательно относятся к каламбурам или не в состоянии шить правильно их перевод. Так, например, при переводе каламбура «(какой) однаобразный пейзаж» перевод Рипеллино переводит «однаобразный» как *unisono* в сноске поясняет, как и почему он решил этот термин перевести именно так. Как известно, здесь Маяковский попытаться создать томологичный каламбур. Нам кажется, что такая возможность есть: достаточно имитировать перевод сокращения *prof.* (= *professore*), например, ширяя его до каламбурной пары: *profetico* — *prof.*, *profuso* — *prof.* *uso* и т. д.

Е. Суммарная рифма, суммирование рифм, нелитературная постановка ударений, разговорная орфография, опоясывающая рифмовка, разорванная рифма, начальная и средняя рифма (М. П. Штокмар) и другие виды рифм. Прием рифмовки занимают большое место в технике Маяковского. Мы не будем подробно останавливаться на этих видах рифм, так как, практически, переводчики оставили без внимания заложенные в них возможности. Приведем только несколько примеров, показывающих, что создание таких рифм — дело, так сказать, техники:

La vita che dà *barlumi* (è quella che sola tu *sorgi*).
A lei tu ti *sorgi* da *questa finestra* che non s'*illumina*.
(Montale, Occasioni)

Chi beve NERI NE R beve (текст рекламы 50-х — 60-х годов).

Sul tagliere l'*aglio taglia*,
non tagliare la *tovaglia*,
la *tovaglia* non à *aglio*,
se la tagli fai uno *sbaglio*!

Вышеизложенная краткая типология аналогов рифмы Маяковского показывает, что при переводе стихотворений эта модель воссоздать те основные принципы и виды поэтической техники, которые и сегодня являются отличительными чертами его творчества. Такая типология имеет, как мы говорили выше, методологический характер и не является своим рекомендательным рифм. Вместе с тем типология на себе не решает всех проблем, возникающих при переводе поэзии Маяковского. Эта типология должна быть дополнена типологией построения неологизмов (главным образом, сатирических) у Маяковского, типологией гиперболического, сатирического) у Маяковского, типологией гиперболы. Таким образом, типология поэтики-формальных принципов, дополненная анализом семантического содержания поэтики и метформизма и всех содержательностей поэтики и метформизма плана, позволит поднимать на более высокий уровень переводы произведений Маяковского и повернуть еще встречающиеся заявления о непереводимости поэзии Маяковского¹. «Маяковский переводим, и его творчество мира ново для Запада, ново для Америки. Поэзия его образы, и понимают не систему стиха только, но

¹ См., например: Vladimir Majakovsky, V. I. Lenin, Vladimir Zvezde, Einaudi, Milano, 1946.

IV. ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Б. И. Горбис
(Одесса)

ЛЕКСИКОГРАФИКА И ПОРОЖДАЮЩАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Вопрос, рассматриваемый в настоящей статье, может быть сформулирован следующим образом: задана некоторая реальность, описываемая текстом на языке перевода (причем различно, задается ли текст в письменной или в какой-либо другой форме). Предполагается, что эта же реальность должна быть выражена иными языковыми средствами с учетом стилей и норм функционирования знаков в языке перевода. Процессе вторичной речевой деятельности (деятельности переводчика) переводчик обращается к словарю. Спрашивается, каковы должны быть текст словаря, по каким принципам он должен быть организован и что в себя включать? Естественно, что на эти вопросы невозможно ответить, не получив решения основной задачи: какой цели должен служить словарь и что ожидает от него переводчик?

Ряд проведенных нами экспериментальных обследований специально показал, что наряду с обычными терминологическими словарями существует необходимость в словаре, состав которого состоял бы из определенных единиц, выделяемых не на лексическом, а на синтаксическом и фразеологическом уровнях. В одном из таких обследований нам удалось получить неполную, но вместе с тем весьма характерную картину, которую, вызываящих необходимость в словаре этого рода:

а) перевод глаголов, обозначающих действие над объектом или характерное действие объекта, например: *наблюдать дефекты, поджигать винты, опускаться на носом, сходиться со шквела, метод вошел в практику*;

б) перевод устойчивых словосочетаний типа: *получить полное подтверждение, предъявлять особые требования, комментировать исходные предположения, оказаться ниже той критики и т. п.*;

необходимость новой системы¹. Понимание системы и отношение к поэзии Маяковского как к системе позволит по-новому решить по-новому многие вопросы перевода отдельных произведений поэта и его поэзии в целом.

Типологическое описание поэтики сведет к минимально статистическую величину непереводаемости, даст возможность преодолеть конфликт между «тенденцией к приближению оригинального текста ко вкусу читателя» и тенденцией к приближению читателя к оригинальному тексту² в полной второй, как нам кажется, более соответствующей принципам адекватности применительно к поэзии нашей современности.

Переведенные на такой типологической основе произведения Маяковского представят перед итальянским читателем во всей их значимости. Перевод, осуществленный этой методикой, не будет являться лишь плодом верности оригиналу, а творением, основанным как на верности оригиналу, так и на новаторстве по отношению к переводящему явлению его поэтической функции, адекватность средств которого оригиналу сам переводчик докажет своим переводом. Думается, что неудача переводчика, действующего при такой установке, будет существенно отличаться от обычного успеха при интерлинейном переводе, являющемся признанием а priori своей технической и поэтической беспомощности.

¹ В. Б. Шкловский, Дневник. М., «Сов. писатель», 1968, с. 108.

² Bruno Gentili, Prospettive critiche nell'interpretazione della *Poeta del lirici*. Il Venti, n. 38, Milano, 1972, p. 23.

в) перевод предložных словосочетаний, например: *при-
ти к заключению, высказывать что-л. из емкости, напичкан-
о чужд-л. и т. п.* Особый случай представляют словосочетания
в которых возможно использование разных предлогов, на-
ражающих отношения орудийности и агента действия
соответственно, вызывающих затруднения при переводе
г) перевод клишированных оборотов, характерных для
стиля научной речи, например, модальных зачинов типа
*необходимо раз и навсегда установить, следует призна-
здесь важно оговориться и т. п.*

д) перевод выражений, относящихся к чтению черте-
графиков; всевозможные описания символических обо-
значений, например: *по направлению стрелки, заключенной
в рамку, индекс сверху, подчеркнутый одной чертой.*

е) перевод выражений, относящихся к чтению формул
уравнений и их преобразований, например: *принимая $y =$
получим, подставляя значение для M , имеем ..., получим
(9) что $a = y$, приведем выражение к следующему
и т. п.*

Существенно отметить, что вне зависимости от того, по-
бались ли испытываемые или нет при переводе таких словосочетаний, эти ситуации переживались ими как проблемные,
вызывая сомнение в адекватности предлагаемого перевода
только в содержательном плане, но и в плане соответствия
сочетательным нормам языка перевода. Иначе говоря,
у них возникало особое психологическое состояние —
необходимость обращения к словарю, имеющее статус мотива
отдельных действий (информационный поиск), подчиненное
общей деятельности перевода. Структура этих действий
тесно связана со структурой самого текста словаря и во-
том ею определяется.

Принципиальное отличие структуры любого словаря
всех остальных текстов состоит в том, что материал в нем
организован на уровне отдельных единиц (в подавляющем
большинстве случаев — слов или терминов), связанных
между собой определенными отношениями. Текст словаря
представлен в виде упорядоченной системы, задающей
регламентированную стратегию поиска. Другое немаловажное
личное состоит в том, что словарь содержит имплицитные
правила перекодирования вышеупомянутых единиц. Опе-
рационные словари (синонимические, толковые и т. п.) со-
держат внутреннее метасемiotические правила приравнивания
двуязычные словари, в том числе и отраслевые, применяют
правила межъязыкового перекодирования, в интересах

аспекте эта разница не имеет никакого значения. Для
важно то, что необходимость обращения к словарю вы-
зывается незнанием правил перекодирования (или, как част-
ный случай, сомнением в точном их знании), причем, как
следует из нашего анализа, незнанием правил перекодиро-
вания, задаваемых на уровне значительно более высокого,
чем полемика. Назовем этот уровень **уровнем опе-
рационных единиц речевой деятельности**.

Последнее требует некоторого пояснения. Система кон-
кретных действий переводчика, связанная с описанной выше
структурой словаря, включает в себя такие действия, как
поиск, чтение, приравнивание и извлечение. Однако, по-
мимо этих действий, зависящих в своих операциях, как мы
уже отмечали, от самого словаря, существует ряд действий,
связанных с ним связанных, но, в силу лексикографичес-
кой традиции, на словарь почти не опирающихся. Мы имеем
в виду следующие действия при переводе: сопоставление
исходных данных с исходным текстом и трансформацию
и порожаемый текст перевода. Это те действия, во имя
которых переводчик, собственно, и берет в руки словарь.
Как мы показали, какие именно элементы исходного
текста обычно требуют реализации всей системы действий;
черкнем сейчас, что эти элементы функционируют в про-
цессе перевода как целые оперативные единицы, отно-
сительно которых и должны задаваться правила перекодиро-
вания.

Поворачиваясь к ранее сформулированным вопросам,
можно предположить, что основным принципом построения
организации текста словаря, предназначенного для пере-
вода на иностранный язык, должен явиться принцип, со-
гласно которому правила перекодирования
должны лежать на уровне моделирования
речевой деятельности. В предлагаемом постро-
ении словарь рассматривается как до полноты
материал и переводчика, а обращение к нему пони-
мается как интерпретация компонентов вто-
рой речевой деятельности.

Остановившись на уже частично затронутым нами вопросе
основных единиц такого словаря. Мы исходим из того,
что основным конечным результатом является составление
такого словаря в виде списка формализованных отрезков
текста, приближающихся по своей структуре к моделям опе-
рационных единиц порождения и восприятия речевого вы-
сказывания и списков правил двух типов:

1) правил перевода указанных отрезков (лексических единиц словаря) из одного языка в другой и

2) правил сочетания уже переведенных единиц иностранного языка (представляющих собой образцы грамматических единиц словаря).

Что касается лексических единиц словаря, то, в первую очередь, имеется в виду их соотносительность с синтаксическими единицами предикативной связью. При этом мы опираемся на ряд данных, прямо или косвенно свидетельствующих в пользу того, что глагольно-именные и предикативные синтаксические единицы в психике носители языка в виде целостных образов, и, что не менее важно, воспринимаются как таковые.

В качестве грамматических единиц словаря отбираются наиболее характерные сочетательные схемы предложенной лексической единицы словаря. Остается, однако, нерешенным целый ряд связанных с этим положением проблем. Неясно, например, как трактовать понятие «наиболее характерные сочетательные схемы»: будут ли это схемы предложений, для которых данная лексическая единица словари является ядерной конструкцией, или же, основываясь на принципе частотности, следует довериться статистическому анализу... Эти и другие вопросы, например принцип отбора лексических единиц, еще ждут своего разрешения. Но допустим, что уже пройден первый этап построения словаря — выбор опорного слова и подбор соответствующих словосочетаний с одновременным описанием наиболее типичных сочетательных схем. Перейдем теперь к разрешению следующего вопроса — о принципах построения самого текста словаря. Мы исходим при этом из следующих посылок:

1. Текст словаря в целом может рассматриваться как определенное количество предложений, записанных по разбивке на синтаксисы. Обращение к такому словарю предполагает формирование (порождение) из единиц словаря на их основе лексических, грамматических и синтаксических предложений на иностранном языке, которые соответствовали бы по содержанию исходному замыслу.

2. Текст словаря можно организовать таким образом, чтобы выделить в нем вначале основные ряды, образцы на которые переводчик будет совершать действительное формирование высказывания.

3. При пользовании словарем, как и при восприятии

того текста, читатель движется в поле некоторых признаков; набор этих признаков, их сконструированность и первоочередность существенно зависят от установки и цели чтения. Признаки текста словаря могут быть использованы и по-разному ориентированы при порождении высказывания.

4. Результат перевода (здесь при помощи словаря) рассматривается с позиции читающего, для которого язык перевода является родным. Соответственно, установка на выбор определенных признаков текста понимается как настройка объекта, формирующего сообщение, на такую стратегию нового поведения, которая была бы главным образом ориентирована на читающего. В тексте словаря должны быть с достаточной полнотой представлены те признаки, которые будут наиболее существенными в восприятии читающего перевод.

Исходя из этого, цель обращения к словарю можно определить как поиск данных, необходимых для адекватного (безошибочного в представлении читающего¹ и соответствующего исходному замыслу) перевода и порождение оснований этих данных соответствующего речевого высказывания.

Такими данными в словаре являются лексические и грамматические единицы словаря, правила перевода и признаки текста. Под последними будем понимать: а) сигнал, знак, помету, характеризующую, указывающую на характер какого-либо из вышеперечисленных элементов словаря, и б) сообщение, понижающее неопределенность в выборе.

Для отраслевых словарей признаков, на которые ориентируется переводчик, вообще говоря, немного. Во-первых, признак принадлежности данной единицы-термина какой-нибудь подязыку (определяющий отношение ее к языковой ситуации, характерной для данной отрасли); во-вторых — звуко-буквенный признак, на котором основан текст этой единицы. Естественно, что в нашем случае этих знаков окажется заведомо недостаточно.

Перед тем как перейти к описанию необходимых признаков текста предлагаемого словаря, отметим, что они могут

¹ С точки зрения составителей словаря словосочетаний, все три типа переводов русского словосочетания *приходить к соглашению* являются адекватными, хотя англичанин точно знает, где и как употребить каждый из них.

делиться на внутренние и внешние. Под первыми будем понимать такие признаки, которые принадлежат данному элементу исходного текста, например, последовательность букв, в которой ведется поиск. Под внешними предлагается понимать признаки, выбор которых задает исходным текстом. Таковым, к примеру, является принадлежность определённому подязыку.

Попробуем в самых общих чертах осветить вопрос об иерархии признаков текста, как внешних, так и внутренних. Первым к иерархии внешних признаков стоит признать левую часть словаря определённому языку. В общем случае это — русский язык. Далее следует функциональный стиль текста (например, научно-технической литературы), затем признак определённой ситуации общения (например, признак языковой ситуации патентно-научно-популярного очерка, монографии или инструкции по эксплуатации) и, наконец, признак принадлежности данного текста определённому подязыку.

При этом наша схема, возможно, не является окончательной. Но это и не существенно, поскольку основная цель описания этих признаков — выявить те главные отличия выбора речевого действия, которые накладывались самими фактом перевода определённого текста на определённый язык. В словаре совокупность этих признаков принадлежит для переводчика вид «обстановочной афферентности» (в смысле П. К. Анохина), определяя задачу выбора одного из множества возможных решений.

Говоря о внутренних признаках — опорных ориентирах порождения высказывания, следует оговорить, признаки какого текста имеются в виду. Ведь в словаре можно различать: а) текст словника — список опорных слов, ориентированный по определённому принципу; б) текст гнезда данным опорным словом и в) текст описания конкретной лексической единицы словаря. Таким образом, признаки текста располагаются одновременно как бы по двум осям вертикальной (признаки движения внутри самого словаря, признаки позиции опорного слова и т. п.) и горизонтальной (признаки, принадлежащие тексту, описывающему перекодирование конкретной единицы). Рассмотрим в связи с этим вопрос о принципах построения каждого из делённых текстов.

Текст словника может быть представлен как совокупность опорных слов, отобранных в результате принятой процедуры и расположенных в двух последовательностях:

1. **Текст словника** (справочной) и в виде тезауруса (идеографического словаря). Здесь важно отметить следующее. Обычно тезаурус составляется на основании предметно-логический связей, существующих в природе. Здесь же речь идет о классификации тезауруса, которая обеспечивала бы логически полное снятие многозначности, в первую очередь за счет вхождения отдельных значений опорного слова различные темы и подтемы. Выделение отдельных подтем, впрочем, не является самоцелью и обуславливается наличием у данного слова нескольких функционально маркированных лексико-семантических вариантов. Для конкретно рассматриваемого словаря основным принципом классификации является следование логическим связям внутри научного текста. Это позволяет группировать в словаре, скажем, речевые штампы и формулы зачина текста по окончании; это позволяет выделить в отдельные тематические фразы, умозаключения, чтение рисунков и графики, преобразование математических выражений, обзор литературы, оценку чужой-либо деятельности, выражения благодарности за критику или содействие, выражения, характерные для выдвижения гипотез, постановки задач, описания эксперимента и обсуждения результатов исследования и т. п. Таким образом, положение опорного слова внутри темы или подтемы является признаком, по которому соответствующая лексическая единица словаря может входить в не меньшие, чем предложение, речевые образования логического характера. Текст словника задает также признаки наличия у опорного слова множества значений.

Текст гнезда построен по следующему принципу.

1. Совокупность слов с данным опорным словом группируется по однотипным синтаксическим связям, а весь массив совокупностей разбивается на разряды.

2. Разряды делятся на более и менее информативные. Ответственно этому определяется их порядок следования в тексте гнезда. (Например, для существительных наиболее информативными будут разряды словосочетаний, обобщающих предикативной связью, а наименее информативными — словосочетания, связанные комплетивной связью, то есть дополнительные). Таким образом, в тексте гнезда имплицитно задается признак коммуникативной значимости словосочетаний.

3. Текст гнезда рассматривается как элементарная модель порождения высказываний, в силу чего в нем должны выделяться признаки текста, необходимые и достаточные для

осуществления заданного переводчику варианта речевого поведения. В качестве таких признаков «работают» указания на тип синтаксической связи и условия перехода к более информативным к менее информативным разрядам задаваемых так, чтобы соответствовать реальному процессу разворачивания высказывания в конкретном языке.

Деятельность по порождению высказываний в опоре на эти признаки напоминает детскую игру, где задан персонаж и надо последовательно отвечать на вопросы: «Что он делает?», «Какой он?», «Что с ним сделали?» и т. д. Другими словами, такое поле признаков текста гнезда является совокупностью признаков правил, разрешающих порождение высказываний из имеющихся коммуникативных единиц разного типа, и правил их объединения.

Текст описания конкретной лексической единицы (варианта) есть уже совокупность правил предписывающих (описание) и здесь проявляется вариативность в оформлении высказываний). Соответственно и набор признаков в этом случае состоит из тех, что указывают на необходимость осуществления речевого действия по этим правилам. К ним, в первую очередь, относятся признаки самих правил перекодирования. Таким признаком является и указание на типичные четательские схемы предложений (см. выше). Нам кажется плодотворной идея о представлении таких схем в виде фишеских коррелятов фразовых стереотипов (см. работы Н. И. Жинкина и И. М. Бермана), хотя волею об их типологии пока, как нам известно, не ставилось. Упор опираясь на одни эти признаки, читатель может порождать конечное количество грамматически правильных предложений с данной единицей.

Не менее важным признаком является указание на падежного управления словосочетаний, задаваемое на уровне ассоциативными в форме падежных вопросов. Остальные признаки, указывающие на то, какие группы слов могут замещать внутреннее или терминальные синтаксические позиции в данном словосочетании. Используя определенную систему помет и индексов, можно регулярно проводить разграничение между уникальными (единичной или ограниченной) емкостью синтаксической позиции и емкостью неограниченной, практически бесконечной.

Мы также уделяем большое внимание признакам, позволяющим разграничивать сферу действия синонимических оборотов и слов в языке перевода. Здесь мы вновь, по

уровне конкретного указания, возвращаемся к признакам данной ситуации общения, к признакам определенного языка и используем новые признаки, например, признаком общепотребительности, признак отсутствия регулярного перевода, признак устаревшего употребления, словосочетания и т.п.

Хотя выше и декларировался принцип системной организации признаков текста словаря на всех уровнях, нам удалось полностью достичь этого в описании. И дело в том, как нам кажется, в том, что при обращении к предположу словарю поиск отдельной единицы и ее перевода является основной целью (а в этом случае только и возможно представление признаков текста в виде иерархической структуры). Цель же словаря, ориентированного на ориентирование речевой деятельности, — дать читателю возможность опираться на текст словаря, породить конечное количество грамматически, лексически и ситуативно правильных предложений. При этом, надо полагать, читатель не ориентироваться во всем поле признаков текстов словосочетаний, гнезда и описания отдельной единицы.

В заключение следует упомянуть еще об одной характеристике предлагаемого словаря. В принципе, перед любым читателем стоит задача сделать себя ненужным, а перед переводчиком — как можно реже к нему обращаться. Другими словами, словарь должен быть придан обучающей функции. Тот факт, что переводчик оказывается вовлеченным в процесс деятельности по формированию высказывания, означает осуществление этого пожелания. Именно то, что словарь включается в операции порождения, обеспечивает его интерпретацию — перенос из дополнительной памяти (какой является словарь) в долговременную, не внешней относительно переводчика.

Приложение

Приведенные выше теоретические выкладки могут быть использованы для построения схем перевода русского текста на английский язык и английского текста на русский язык при помощи описанного словаря. Следует оговорить, что объем статьи не позволяет полностью использовать систему помет и указаний, которая находится в стадии разработки и требует детальных пояснений. Применяемые пометы поясняются не будут, поскольку они совпадают с установившейся лексикографической традицией.

Перевод будет осуществляться по этапам. Арабская цифра в скобках обозначает переход к следующему этапу. Термины и терминологические словосочетания, представленные в соответствующих отраслевых словарях, не переводятся. Значок Σ указывает на промежуточную запись перевода в процессе его формирования.

Как уже отмечалось, станция управления обменивается информацией с оператором, позволяя ему осуществлять дистанционное управление при помощи вычислительной системы, обеспечивающей ритмичную и эффективную работу и высокое качество продукции. Снабженная выносным цифровым таймером и запоминающим устройством, где производится односторонняя запись информации на магнитную ленту, эта система сводит к минимуму труд оператора.

As it was stated above, a control station will generally enable an operator to exercise remote control by means of a computerized system which is used to secure smooth and efficient operation and high quality of the product. The system which is equipped with a digital output display and a storing system where data is stored simultaneously on magnetic tape reduces an operator's labor to a minimum.

1. Перевод русского текста на английский язык

(1) Идеографическая часть

Раздел «логические элементы текста»

Группа «вводные обороты»

как (уже) отмечалось — I (в литературе) — as it was previously discussed, noted, mentioned; II (в этом тексте) см. «как указано выше» — as (it was) mentioned (stated) above.

(2) Статья «ПОЗВОЛИТЬ»

Подстатья А «давать возможность»

(2.1) Разряд I «дополнительные словосочетания» (модальный инфинитив в действительном залоге)

А позволяет (В) сделать что-л. A {allows (B) enables (B) permits (B)} to do smth.

¹ to allow — давать возможность что-л. (сделать) в силу того, что это входит в функции А, является его свойством, качеством

2) Разряд II «атрибутивные словосочетания»
обычно позволяет — A will generally allow (enable)

Статья «УПРАВЛЕНИЕ»

Подстатья Б «действия по направлению, регулировке»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

осуществлять управление (посредством чего?) — to exercise control (by means of what?)

2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
дистанционное управление — remote (distance) control

Σ As it was mentioned above, A will generally enable B to exercise distance control...

Статья «ПОМОЩЬ»

Разряд V «устойчивые обороты»
помощи (посредством) — with the help (of what?), by means (of what?)

Статья «СИСТЕМА»

Подстатья Д «конструкция, устройство»

Разряд III «атрибутивные словосочетания»

исчислительная система — computerized system

Статья «РАБОТА»

1) Подстатья А «функциональное устройство»

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

спечивать (прилагательное положительной оценки: нормальную, отличную, высокоэффективную) работу — to secure (postal, excellent, effective) work;

2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
постоянная работа — steady typing (work); smooth operation

Статья «КАЧЕСТВО»

Подстатья Б «степень достоинства, ценности»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

спечивать (прилагательное положительной оценки: высокое, отличное, только хорошее) качество — to secure (high, excellent, only top) quality;

2) Разряд IV «дополнительные словосочетания»
качество продукции — quality of products

to enable — под действием или в связи с наличием А находится в состоянии, позволяющем что-л. делать (сделать)
to permit — дать возможность что-л. делать (сделать) в силу определенных условий, обстановки и т.п.

Перевод будет осуществляться по этапам. Арабская цифра в скобках обозначает переход к следующему этапу. Термины и терминологические словосочетания, представленные в соответствующих отраслевых словарях, не переводятся. Значок Z указывает на промежуточную запись перевода в процессе его формирования.

Как уже отмечалось, станция управления обычно позволяет оператору осуществлять дистанционное управление при помощи вычислительной системы, обеспечивающей ритмичную и эффективную работу и высокое качество продукции. Снабженная выносным цифровым таймером и запоминающим устройством, где производится односторонняя запись информации на магнитную ленту, эта система сводит к минимуму труд оператора.

As it was stated above, a control station will generally enable an operator to exercise remote control by means of a computerized system which is used to secure simple and efficient operation and high quality of the product. The system which is equipped with a digital output display and a storing system where data is stored simultaneously on magnetic tape reduces an operator's labor to a minimum.

1. Перевод русского текста на английский язык

(1) Идеографическая часть

Раздел «логические элементы текста»

Группа «вводные обороты»

как (уже) отмечалось — I (в литературе) — as it was previously discussed, noted, mentioned; II (в этом тексте) см. «как указано выше» — as (it was) mentioned (stated) above.

(2) Статья «Позволяет»

Подстатья А «давать возможность»

(2.1) Разряд I «дополнительные словосочетания» (модальный инфинитив в действительном залоге)

А позволяет (В) сделать что-л. А {allows (В) enables (В) permits (В)} to do smth.

1 to allow — давать возможность что-л. (сделать) в силу того, что это входит в функции А, является его свойством, качеством

(2) Разряд II «атрибутивные словосочетания»
(10) обычно позволяет — A will generally allow (enable)

Статья «УПРАВЛЕНИЕ»

Подстатья Б «действия по направлению, регулировке»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
устанавливать управление (посредством чего?) — to exercise control (by means of what?)

2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
дистанционное управление — remote (distance) control
22 As it was mentioned above, A will generally enable B to exercise distance control...

Статья «ПОМОЩЬ»

Разряд V «устойчивые обороты»
с помощью (посредством) — with the help (of what?), by means (of what?)

Статья «СИСТЕМА»

Подстатья Д «конструкция, устройство»

Разряд III «атрибутивные словосочетания»
вычислительная система — computerized system

Статья «РАБОТА»

1) Подстатья А «функционалирование устройства»

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
«списывать (прилагательное положительной оценки: нормальное, отличное, высокоэффективную) работу — to secure (normal, excellent, effective) work;

2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
постоянная работа — steady pinning (work); smooth operation

Статья «КАЧЕСТВО»

Подстатья Б «степень достоинства, ценности»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
«списывать (прилагательное положительной оценки: высокое, отличное, только хорошее) качество — to secure (high, excellent, only top) quality;

2) Разряд IV «дополнительные словосочетания»
качество продукции — quality of products

to enable — под действием или в связи с наличием А находится в состоянии, позволяющем что-л. делать (сделать)
to permit — дать возможность что-л. делать (сделать) в силу определенных условий, обстановки и т.п.

Σ...by means of a computerized system which secures the
du and effective work and high quality of the production

(8) Статья «СНАБЖАТЬ»

Подстатья В «оборудовать»

Разряд I «дополнительные словосочетания» (модель
финитив в страдательном залоге)
быть снабженным (чем?) — to be equipped (provided) with
smth.

(9) Статья «ИНФОРМАЦИЯ»

Разряд «глагольно-именные словосочетания»
запоминать информацию — to store data (information)

(10) Статья «ОДНОВРЕМЕННО»

Разряд I «предложные обороты»
одновременно с — I (о протекании процессов) — coincide
tally with; concurrently with; simultaneously with; II
появлении) — at the same time with; contemporaneously
with.

(11) Статья «МИНИМУМ»

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
сводить к минимуму — to reduce smth. to a minimum
minimize (о чем-л. нежелательном)
Σ... which is equipped with... where data is stored
multaneously on magnetic tape reduces an operator's labor
to a minimum.

II. Перевод английского текста на русский язык (слово
для носителей английского языка)

(1) Идеографическая часть

Раздел «логические элементы текста»
Группа «вводные обороты»
as stated above — как уже отмечалось (было отмечено) выше

(2) Статья «TO ENABLE»

Раздел I «дополнительные словосочетания»
A enables B to do smth. — A позволяет (дает возможность)
(с)делать что-л.

Σ как уже отмечалось выше, ...дает возможность...

(3) Статья «CONTROL»

Подстатья А «monitoring»

(3.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

exercise control (by means of what?) — осуществлять (про-
изводить) управление (при помощи/средством чего?);

2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
remote control — дистанционное управление, управление на
расстоянии;

Статья «SYSTEM»

Подстатья Е «equipment»

Разряд III «атрибутивные словосочетания»
computerized system — система, основанная на применении
ЭВМ; вычислительная система; система машинной об-
работки информации;

Статья «OPERATION»

Подстатья В «timing»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
secure operation — обеспечить работу (чего?)
2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
efficient operation — эффективная работа
smooth operation — ритмичная (равномерная) работа

Статья «QUALITY»

Подстатья В «property of products»

1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
secure (high, excellent...) quality — обеспечи(ва)ть (высо-
кое, отличное ...) качество
2) Разряд IV «дополнительные словосочетания»
quality (of what? products, production) — качество (чего? изде-
лий, продукции)

Σ...производить дистанционное управление при помощи
вычислительной системы, которая обеспечивает ритмичную
эффективную работу и высокое качество изделий

Статья «TO EQUIP»

Разряд I «дополнительные словосочетания» (модель «ин-
финитив в страдательном залоге»)
be equipped with smth. — быть снабженным (оборудован-
ным) чем-л.

Статья «DATA»

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
store data on smth. — записывать данные (информацию) на
чем-л.

Статья «SIMULTANEOUSLY»

Разряд I «предложные обороты»
multaneously with — одновременно с;

(10) Статья "MINIMUM"

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
to reduce smth. to minimum — сводить что-л. к минимуму
сводить до минимума;
Снабженная ... и ... где производится одновременная
пись на .., эта система сводит до минимума ...

Сравнивая промежуточные записи перевода с исходным текстом, нетрудно отметить, что существующие между ними расхождения в плане выражения практически не приводят к искажениям в плане содержания. На это необходимо обратить особое внимание, поскольку основным критерием проверки словаря является смысловая изоморфность исходного текста и текста, порожаемого с помощью словаря, что дает возможность оценивать тот или иной лексикографический опыт, опираясь на экспериментальные данные.

А. Р. Арутюнян
(Москва)

НЕСКОЛЬКО СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ

В настоящей статье обсуждается нередкая в преподавании иностранного языка ситуация, в которой прямой перевод на иностранный язык ведет к чувствительной потере информации исходной (русской) фразы или к искажению ее смысла. Для преодоления интерференционных ошибок такого типа ниже предлагается использовать идею языка толкования (= семантического языка), которая развивается в работах по ТКС¹.

Обратимся теперь к интересующей нас ситуации. Наиболее распространенный в преподавании способ объяснения значений через прямой перевод (родное слово → иностранное слово) наталкивается на такие принципиальные трудности: (1) обычно переводимое и переводящее значение не тождественны, что вытекает из признания системности лексики, и (2) переводимое значение недостаточно полно

относимо обучаемому, хотя и принадлежит его родному языку. Рассмотрим кратко обе трудности.

1. В шутке: «На иностранном языке мы говорим по-русски, только иностранными словами» кроется иронический смысл. Из того, что значение *a* русского слова *A* передается на немецком языке через значение *b* слова *B*, мнится, но верно не следует тождество значений переводимого и переводящего слов, не следует $a(A) = b(B)$. Из факта переводимости следует только, что переводящее значение имеет максимальное число общих смысловых элементов с переводимым, хотя оба значения имеют и свои индивидуальные смысловые компоненты. Например, словарная статья: *interteding* 1. *beseida*¹ не утверждает, что первое значение *interteding* *beseida*, а содержит эмпирическое наблюдение о том, что из всех русских слов *beseida* ближе всего по значению данному немецкому слову.

Наивное (но глубоко укоренившееся в психике обучаемого) понимание переводимости двух слов как их равнозначности ведет к сдвигу в представлении о смысловых отношениях между лексемами в иностранном языке. Действительно, пусть русское *b(B)* переводится через немецкое *A* и *a(B)*, что нередко бывает, если например, оба немецких слова — синонимы или квазисинонимы. Тогда из нераскрытой посылки $b(B) = a(A)$ и $b(B) = a(B)$ делается и неверный вывод о том, что $a(A) = a(B)$: *entschuldigen* *prosseln*, *извинять* (с. 260) и *verzeihen* *prosseln*, *извинять*, *прощать*, *извинять* (с. 260) и *verzeihen* *beseiden* = *verzeihen*; *Gespräch* *разговор*, *беда*, (с. 364) и *Unterhaltung* *beseiden*, *разговор*, отсюда: *Gespräch* = *Unterhaltung*. Пытаясь преодолеть в рамках двуязычного перевода первую трудность, мы сталкиваемся со второй.

2. Как правило², в русском языке для немецких *a(A)* и *b(B)* имеется не один эквивалент *b(B)*, а несколько, так что для *a(A)* практически всегда найдется такой перевод, который не годился бы для перевода *a(B)*, и наоборот. Здесь мы сталкиваемся с такой модификацией переводной методологии: значениям значений: перевод русское *b(B)* через немецкое *a(A)*, если *b(B)* в русской фразе можно заменить на

¹ Толкованию значений посвящены многочисленные публикации в сборниках «Машинный перевод и прикладная лингвистика» МТИИЯ, вып. 13—16. М., 1970—1972; Материалы к толкованию бинальному словарю. Ин-т русского языка АН СССР, Предварительные публикации. М., 1972—1974.

² «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Леппина, П. С. Трахтенова, М., «Сов. энциклопедия», 1965, с. 850, далее ссылки на него же.

¹ Это следует из представления о переводных эквивалентах как о словах с непожесткими, а только с пересекающимися смысловыми компонентами (см. пункт 1 выше).

а(Г); переведи русское б(В) через немецкое в(В), если в русской фразе б(В) можно заменить на в(Д). Это правило, по критерию межъязыкового перевода служит тест на внутриязыковую переводимость, оказывается часто эффективным в практической работе, особенно когда переводным (немецким) значениям достаточно удалены друг от друга. Например, для перевода: «Внимание!» можно сформулировать правило предложенного выше типа: если «Внимание!» можно заменить на «Осторожно!», выбери немецкий эквивалент из ряда: acht geben, Achtung; если «Внимание!» можно заменить на «Слушай!», «Смотри сюда!», «Не отвлекайся!», выбери немецкое слово aufpassen.

Подобная техника, помимо трудоемкости, предполагает профессиональное знание родного языка, так как переводное и переводящее значения во внутриязыковом переводе могут быть весьма близкими. Например, переводы для а) *holen* *нагонять*, *догонять*, *подтягиваться* (с. 82) и *nachholen* *наверстывать*, *нагонять*, *догонять* (с. 613) различаются словами *подтягиваться* и *наверстывать*, так что формально мы можем воспользоваться правилом (2). Однако различие между тестовыми словами не очевидно для многих русских говорящих, ср.: «Ты должен подтянуться». = «Ты должен наверстать, упущенное».¹

Изложенные соображения о существенных недостатках толкования значений через их перевод на родной язык (1) или через перифразы (2) объясняют желание использовать идею семантического языка — посредника (= языка толкований) в практике обучения переводу.

Словарные толкования строятся на противопоставлении значений, входящих в одну семантическую парадигму с учетом лексикографических данных (в нашем случае, *Der Große Duden*, Bd. 8, Mannheim, 1970). Выявленные из смысловых оппозиций семантические компоненты составляют инвентарь толкований, они поддаются контролю через принцип семантической конгруэнции², согласно которому со-

¹ В преподавательской практике (см., например, пособия типа А. Л. Карлин, Р. А. Черкас, В. А. Соловьев, *Wählen Sie das richtige Wort*, вып. 1, М., «Международ. отношения», 1960; А. Л. Карлин, Р. А. Черкас, *Wählen Sie das richtige Wort*, вып. 2, М., «Международ. отношения», 1972) используется еще и третий критерий: система разрешений и запретов на семантическую сочетаемость; в настоящей статье он специально не обсуждается, хотя используется для проверки толкований.

² Одно из изложений этой концепции помещено в лексикон «Die deutsche Sprache, kleine Enzyklopädie», Leipzig, 1969.

ние двух слов допустимо, если оба слова содержат соответствующие семантические компоненты. Принцип семантической конгруэнции позволяет контролировать правильность экспериментально полученных толкований в виде требования: толкование некоторого значения корректно, если оно объясняет допустимость одних сочетаний слова с этим значением и недопустимость других. В настоящей статье толкования даются в первом приближении: от них требуется не полное описание толкуемого значения, а явная формулировка различительного признака, обеспечивающего верность выбора одного из двух возможных немецких эквивалентов. Ниже приводятся толкования пар немецких значений, которые регулярно передаются на русский язык одним эквивалентом, что затрудняет их объяснение через прямой перевод. Толкования снабжены контрастивными иллюстрациями¹.

1. *fassen* — зафиксировать положение предмета так, чтобы его часть находилась внутри того, чем берут; *greifen* — то же, но рефлекторно (= «не думая»); поэтому: *Он схватил проволоку клещами*. — *Er faßte den Draht mit der Hande. Возмущен за руки*. — *Faßt euch an den Händen. Но: Употапощу хаттаетса за соломинку*. — *Der ergriffende greift nach rettendem Strohhalme. Он схватился за солому от удивления*. — *Er griff sich an den Kopf vor Staunen*.

2. *aufpassen* — направить свои органы восприятия или на что-л.; *acht geben* — то же, но для того, чтобы избежать негативных последствий²; поэтому: *Ты опыль был не-ахтмателен (не слушал) на уроке*. — *Du hast wieder schlecht aufgepasst im Unterricht. Но: Вынимание, здесь ступени*. — *ib acht (Achtung, Vorsicht), Stufen! Будь с ним осторожен*. так как он может причинить тебе вред) — *Nimm dich vor ihm in acht (er kappt dir schaden)*.

3. *anfertigen* — создавать ручным способом один предмет от начала до конца; *herstellen* — создавать промышленным способом и (обычно) массово, по операциям; поэтому: *Kleider und Schuhe werden (auf Maß) anfertigt, если создаются в ремесленной мастерской, но они же werden hergestellt на фабрике*. Вторым глагол всегда предпочтительнее, если имеет место массовое производство (см., например,

¹ Случаи допустимости замены «в одну сторону», имеющие место для некоторых пар, в настоящем сообщении не обсуждаются.

² «Негативный для А» = «приносящий А вред»

„Wörter und Wendungen“, Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch, hrsg. E. Agricola, Leipzig, 1962, S. 278).

gedruckt. *hngs.* E. Agricola Lehrb., 1662, S. 270.

4. aufholen — ликвидировать задолженность и выплатить в срок; nachholen — ликвидировать задолженность после установленного срока; поэтому: *Pоезд нагнал опоздавшие в пути (то есть прибыл в срок) — Der Zug hat den Zeitverlust aufgeholt. Предприятия нагоняют отстающие выполнения производственного плана. — Der Betrieb hat den Planrückstand auf. Но: Ученик должен нагнать пропущенное. (то, что его одноклассники уже сделали — Der Schüler muß das Versämipte nachholen.*

5. A wartet auf X — A не предпринимает действий события X; A erwartet X — A считает событие X в большинстве случаев вероятным и готовится к нему; поэтому: *Она ждет ребенка на улуу.* — Sie wartet auf das Kind an der Edge. Мы ждем обедать Мюллеров. (не начинаем есть до их прихода) — Wir warten mit dem Mittagessen auf Müllers. *Она ждет ребенка* (= она в положении) — Sie erwartet ein Kind. Мы ждем к обеду Мюллеров. (мы их приглашаем, готовимся) — Wir erwarten Müllers zum Mittagessen.

6. sorgen für X — создавать условия для нормальной функционирования X; kümmern sich um X — заботиться о X имел место; поэтому: *Социалистическое государство заботится о воспитании молодежи. Der sozialistische Staat sorgt für die Erziehung der Jugend. Отец заботится о семье* — Der Vater sorgt für die Familie. Но: *Ты должен позаботиться о билетах.* — Du mußt dich um die Karten kümmern. Мне ещё нужно позаботиться о подарке для матери. — Ich muß mich noch um ein Geschenk für die Mutter kümmern.

7. die Aufgabe — ситуация, в которой для достижения нужного результата требуется выполнение действий; der Auftrag — поручение выполнить „Aufgabe“; этому: *Ученик справился с задачей по арифметике.* Der Schüler hat die Mathe-Aufgabe geschafft. *Перед нами стояла важная задача.* — Wir stehen vor wichtigen Aufgaben. *Он взял на себя выполнение этой поручения и выполнил свою задачу.* Er hat den Auftrag übernommen und ausgeführt.

8. A schützt B vor C — C действует во вред В и А служит препятствием для С (А, В, С — не обязательно сознательные деятели); A verteidigt B gegen C — С действует во вред В и А действует во вред С и этим самым на пользу В; помню: *Дерево защитило путника от дождя.* — Ein

1 «Заложенность» = «то, что обязан сделать, но не сделал»

13. A stört B bei X — A делает так, что B трудно продолжать действие X; A (ver)hindert B bei X — A делает так, что B не может продолжать X; поэтому: *Большая не мешает ему подниматься по лестнице* (но он все же поднимается) — Das Kranke Bein stört ihn beim hinaufsteigen. Но: *Обстоятельства мешают мне прийти.* — Ich bin verhindert, zu kommen. *Он помешал мне говорить дальше* (я не продолжаю свое выступление) — Er hinderte mich weiterzusprechen.

14. falsch — не в соответствии с истинной или правильной версией — не в соответствии с поставленной целью; по этому: *Ты неправильно пишешь это слово.* — Du schreibst dieses Wort falsch. — *Счет неправилен.* — Die Rechnung ist falsch. Но: *Вы неправильно сели.* (в транспорт) — Sie sind verkehrt eingestiegen. Ср. *Ты делаешь это неправильно* (= твои действия нарушают правило) — Du machst das falsch. *Ты делаешь это неправильно.* (= делая так, ты достигнешь цели) — Du machst das verkehrt.

15. vereinen — слить самостоятельно единицы в целое; объединить — слить в целое, сохраняя, однако, отдельные; объединение частей; поэтому: *объединенными силами* — mit vereinten Kräften, Anstrengungen. *И объединение крестьян в кооперативы* — die Vereinigung der Bauern in die LPG's; *Соединенные Штаты Америки* — Die Vereinigten Staaten von Amerika, von Indien.

16. ausstufen sich — пополнить ежедневно расходы ресурса; ресурс; erhalten sich — пополнить истощенный ресурс; ресурса; поэтому: *Она выжила и выжила в ресурсах* (= она было достаточно для восстановления дошедшей) — Sie hat/ist ausgeschlafen und sieht ausgetüschelt aus. *После болезни ей нужно хорошего отдохнуть.* (оправиться) — Nach der Krankheit muß sie sich richtig erholen.

17. aufgeben — вынужденно (и поэтому часто не сожаления) перестать делать X из-за недостатка ресурса; verzichten — не продолжать делать X по некоторым соображениям; поэтому: *Врач отказался от больного.* (у врача нет ресурса, чтобы вылечить больного) — Der Arzt hat den Kranken aufgegeben. Но: *Мы можем отказаться от реводчика, потому что Петер хорошо говорит по-русски* (имеется разумное основание для отказа) — Wir können den Dolmetscher verzichten, denn Peter kann gut russisch.

отказался от борьбы. (не имел сил, чтобы продолжать борьбу) — Er gab den Kampf auf. *Он отказался от борьбы.* (невыгодным, безрезультатным... продолжать борьбу) — Er verzichtete auf den Kampf.

18. schlecht — плохо¹; schlimm — имеющий вредные следствия; поэтому: *Дело кончилось плохо.* (результаты оказались негативными) — Die Sache endete schlecht. *Дело кончилось плохо.* (имело негативные следствия для участников) — Die Sache endete schlimm. *Он плохой человек.* (по себе) — Er ist ein schlechter Mensch. *Он плохой человек.* (способен принести вред другим) — Er ist ein schlimmer Mensch.

19. verstehen — уметь извлекать информацию из X; verstehen — уметь извлекать информацию об устройстве, функционировании X; поэтому: *Я понимаю тебя.* (например, по словам) — Ich verstehe dich. *Я понимаю тебя.* (= по-другому так поступаешь) — Ich begreife dich. Отсюда и возможность совместного употребления: *Я понимаю, что ты говоришь, но не понимаю внутренней связи частей вычисления.* (= смысла) — Ich verstehe dich ja schon wohl, aber ich begreife dich doch nicht.

20. A bietet B X an — A побуждает B совершить действие X, что совместно с A; поэтому: *Он предложил ей сигарету, но помочь, деньги.* — Er bot ihr eine Zigarette, seine Hilfe. *Он предложил встретиться у него, перенести деньги на другой день.* — Er schlug vor, daß wir uns bei ihm treffen, die Versammlung auf einen anderen Tag verlegen. Но: *Он предложил проверить результаты эксперимента.* (как услугу) — Er bot an, die Ergebnisse des Experiments zu überprüfen. *Он предложил проверить результаты эксперимента.* (проверяет другой) — Er bot an, die Ergebnisse des Experiments zu überprüfen. — Er schlug vor, die Ergebnisse des Experiments zu überprüfen.

21. beieilen sich — делать быстрее, чем до этого; eilen — делать быстрее, чем обычно (быстрее того, что является нормой данного лица), поэтому: *Поспеши без слезы.* (= делай быстрее, чем до этого, не быстрее, чем предел твоей нормы, спешь) — Beeile dich, ohne zu eilen. *Куда ты спешишь?* (= я вижу, что ты двигаешься быстрее, чем привик) — Woher eilst du? Но не: *Wohin beeilst du dich?*

22. A ertücht X — A подвергается негативному воздействию

¹ «истощенный» = «близкий к нулю количества X»

¹ «плохо» — «низшая отметка на оси качества»

ствию X и не сопротивляется ему¹; A duldet X — A подвергается пассивному воздействию X, имеет ресурсы, чтобы противодействовать ему, но не делает этого; поэтому Я не выношу твоих капризов (= мне тяжело их переносить) лучше я уйду. — Ich ertrage deine Launen nicht, ich geliebet. Я не выношу (= не желаю оставлять пассивным твоих капризов, я накажу тебя. — Ich dulde deine Launen nicht, ich bestrafe dich! Он не терпит, когда ему противостоят. (он болезненно реагирует на это) — Er erträgt keinen Widerspruch. Он не терпит противоречий. (он карает это) — Er duldet keinen Widerspruch.

23. A verlangt X — A сильно желает X, потому что чувствует потребность в X². A fordert X — A желает X опираясь на закон или моральное право; поэтому: *Большинство потребовало врага.* (он считает, что враг ему необходим) Der Knapke verlangte nach dem Arzt. *Посетитель попросил врача.* Der Knapke verlangte ein Bier. Но: *Правительство прислало, пошло, отклонило требования горняков.* — Die Regierung hat die Forderungen der Bergarbeiter ablehnt, erfüllt abgelehnt.

Примечание. Для дефиниции 23 оказывается затруднительным найти сопоставимые контрастные контексты³. Der Lehnforst verlangt von seinen Schülern Gehorsam. Die Völker fordern die Freiheit vom Kolonialjoch. Тем не менее, различия в толкованиях все же прослеживаются в словосочетаниях. Так, из толкования Verlangen вытекает смысл «немотивированно внешне, инстинктивно, который отсутствует в значении Forderung, что прослеживается при сопоставлении ein dringliches, sehnächtiges, heißes, leidenschaftliches, heimliches Verlangen, но не: eine dringliche, sehnächtige, heiße, leidenschaftliche, heimliche Forderung, eine gerechte, unge, sittliche Forderung, но не: ein gerechtes, strenges, sittliches Verlangen.

Рассмотренные словарные дефиниции позволяют указать методические соображения о (1) форме словарных статей в учебном переводном словаре и (2) тактике презентации значений в обучении.

1. Словарное толкование в учебном словаре, видное целесообразно строить по схеме:

лексема_{ин. яз.} = лексема_{р. яз.} + дифференциальные семан-

¹ «A сопротивляется X» = «A действует против X с целью повлиять на ситуацию, которая имела место до действия X против A»
² «X потребность A» = «X есть условие нормального функционирования A по его мнению»
³ На это указал автору М. Я. Цвиллинг.

ские компоненты толкуемой лексемы (ин. яз. — иноязычный, р. яз. — родной языки), например, scharf = острый + такой, что режется; spitz = острый + такой, что

2. Презентацию лексической единицы целесообразно проводить с помощью двух операций.

2.1 толкования через переводной эквивалент родного языка: scharf = острый, spitz = острый и

2.2 семантизации дифференциальных семантических компонентов в контрастивных упражнениях: ein scharfes Messer, ein scharfes Beil, eine scharfe Schere — ein spitzer Beil, eine spitze Nadel.

Такая дифференциальная тактика презентации значимой способствует интенсификации обучения, так как она позволяет толковать и затренировывать не общие (и, следовательно, известные из родного языка), а дифференциальные смысловые компоненты, овладение которыми фактически и означает овладение изучаемым языком.

V. РЕЦЕНЗИИ

А. В. Федорова
(Ленинград)

Д. С. БАРХУДАРОВ. «ЯЗЫК И ПЕРЕВОД (ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА)»¹

1973—1975 годы были особенно «урожайными» на книги о переводе и, в частности, на книги по лингвистической теории перевода, причем урожай был и богатым, и интересным, и разнообразным (даже в пределах одной только лингвистической разработки проблемы — направления, объединившего и Я. И. Репкера, опубликовавшего за это время три книги², и А. Д. Швейцера, автора книги «Перевод и лингвистика»³, и В. Н. Комиссарова с его монографией «Слово и перевод»⁴, и автора рецензируемой работы).

Все вышеперечисленные труды роднит то, что вопросы перевода поставлены их авторами в теснейшую связь с наукой о языке, с ее новейшими достижениями; то, что заданные в них органически взаимодействуют с интересами переводческой практики, в частности, — проблемами подготовки квалифицированных переводчиков; то, что в них используются преимущественно материал научных и публицистических текстов, в меньшей мере — художественных и что в значительнейшей своей части они посвящены взаимному отношению языков русского и английского. Помимо теор

ико-переводческого интереса все эти книги представляют также и общезнаковедческую ценность.

Рецензируемая книга Д. С. Бархударова, построенная на материале русского и английского языков, имеет принципиально важный подзаголовок: «Вопросы общей и частной теории перевода». Это означает, что в ней рассматриваются и общие проблемы лингвистической теории перевода специфические особенности перевода с английского языка на русский и с русского на английский, которые и выступают как конкретная реализация общих закономерностей перевода, устанавливаемых на основе наблюдений над фактами перевода с одних языков на другие, но проверяемых и иллюстрируемых на материале одной определенной пары языков; таким образом, закономерности общие и частные являются тесно соотносенными и постоянно служат целям взаимопроверки. Вместе с тем конкретный материал переводов, привлекаемый в книге, и выводы из его анализа представляют бесспорную практическую ценность и в деле преподавания перевода (а также «самообучения» переводчика).

Автор опирается и на новейшую языковедческую теорию, теоретическую и зарубежную, и на богатый классический опыт традиционного языкознания, и на достижения современной теории перевода — в большей мере советской, чем иностранной, поскольку именно у нас в стране особенно интенсивно и плодотворно развивалась эта филологическая дисциплина в ее лингвистическом аспекте. Используя опыт предшественников и современников, на которых всецело сделаны точные ссылки, автор в своей концепции перевода, в формулировке основных общих положений, в конкретных частных решениях является вполне самостоятельным и оригинальным. Как чрезвычайно положительно оценить книгу следует, по-моему, отметить реальность авторского подхода к задаче: я имею в виду то, что, будучи глубоко осведомлен в области современных направлений языкознания и методов лингвистического исследования, в частности и переводческого исследования, автор не увлекается структуралистскими концепциями, извлекая из них ценное, излагая его в легко усвояемой форме, но воздерживаясь от их крайности, критически относясь к их содержанию и сдержанно применяя ответственную терминологию. Книга, в полной мере находясь на уровне советской лингвистической теории перевода, представляет творческую, то есть — повторно —

¹ Д. С. Бархударов. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., «Международ. отношения», 1975, 236 с.

² Я. И. Репкер. Пособие по переводу с английского языка на русский. Л., «Просвещение», 1973; его же. Курс перевода с английского языка на русский язык для 3, 4, 5 курсов переводческого факультета (ч. I). М., МГПИИЯ им. М. Горького, 1973; его же. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международ. отношения», 1974.

³ А. Д. Швейцера. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973.

⁴ В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международ. отношения», 1973.

оригинальную разработку ее прогрессивного содержания, вносит новое, свое и в трактовку ее основного принципа принципа переводимости — и в критику враждебных ему взглядов зарубежных языковедов.

Как и в большинстве современных работ о переводе внимание в рецензируемой книге сосредоточивается на процессе перевода, как межязыковой трансформации, то есть, как это и оговаривается автором, не на психологической стороне процесса, а на различных формах или способах самой трансформации, на ее приемах и условиях, в которых осуществляется перевод, на преследуемых им в разных случаях целях, поскольку эти условия и цели оказывают влияние и на выбор переводческих средств и на конечный результат работы — текст перевода. В соответствии с данной установкой находится и построение книги: глава 1 рассматривает «сущность перевода» (здесь определяются и «предметы теории перевода», и «сущность перевода» как особого вида речевой деятельности, и «место теории перевода среди других дисциплин», и классифицируются «виды перевода»); тематика главы 2 является «языковые значения и перевод»; главы 3 — самая большая по объему, посвящена «семантическим соответствиям при переводе» в их разновидности, зависящим от характера передаваемых значений и их соотношения с контекстом и ситуацией; в короткой главе 4 (не имеющей разделов или параграфов) трактуется «проблема единичного перевода»; глава 5 (последняя) дает классификацию, характеристику, описание «переводческих трансформаций», то есть конкретных приемов передачи текста подлинника (перестановок, разнообразных и многочисленных замов, добавлений, опущений); «Заключение» кратко суммирует содержание книги.

Такая проблематика и структура книги ни малейших сомнений и возражений не вызывают, и надо подчеркнуть, что интересы теории и практики нигде не приходят в столкновение, хотя содержание глав 2 и 3 имеет в значительной мере общезыковский характер и теоретическую направленность, а глава 4 и, в особенности, 5 в большей мере ориентированы на практику, получающую, правда, освещение на фоне поставленных ранее широких теоретических проблем. Очень ценной особенностью книги является неизменно четкое, понятное, живое (при всей его серьезности) изложение ясность и логичность классификаций, прекрасный выбор примеров, подаваемых последовательно и комментируемо содержательно и интересно.

Автор подчеркивает свое понимание «частной теории перевода» как дисциплины, имеющей дело с переводом на материале двух конкретных языков, а не с переводом произведений того или иного жанра. Тем самым проблемы жанровой специфики той или иной разновидности перевода или — тем не менее — индивидуального стиля не находят себе самостоятельного места в книге, где и не ставится целью их рассмотрение, но они затрагиваются попутно (например, в связи «прагматическим аспектом перевода» и с «контекстом и ситуацией» — в главе 3). Книга Л. С. Бархударова так же, как и книги Я. И. Рашкера, В. Н. Комиссарова и Л. Д. Швейцера, не относится к области теории художественного перевода, хотя в ней, как и в работах трех других авторов, неоднократно затрагивается вопрос о средствах передачи стилистической — стилистического явления, столь важное в художественной речи, также неоднократно рассматриваются примеры из произведений художественной литературы с учетом их жанрово-стилистической специфики (наряду с примерами из текстов научных и публицистических). Межязыковые переводческие закономерности, устанавливаемые в книге, заслуживают внимания переводчиков всех типов текстов, в том числе и художественных, так как с подобными случаями, случаями трудными, требующими творческих поисков, постоянно встречается и переводчик художественной литературы. Между тем автор не касается единичной проблемы, предпологающего передачу неповторимой индивидуальной особенностей стиля и требующего индивидуальных решений. Такой задачи автор перед собой не ставит. В сфере его рассмотрения (сферу достаточно обширную) входит то, что поддается, хотя и широким, но типовым общением. Это и оговорено им. И это не снижает ни теоретического интереса, ни практической ценности книги, учебительной для исследователя-филолога и чрезвычайно полезной для переводчика как для начинающего, так и для профессионала.

Каких-либо существенных, тем более принципиальных, разногласий с автором у меня нет, но я позволю себе здесь делиться с читателем несколькими соображениями. Сомнение и сожаление вызывает то, что автор употребляет термин «эквивалент», «эквивалентный», «эквивалентность» в чрезвычайно широком и общем значении «соответствие», «соответствующий», «соответственность». Тем самым теряется точный смысл удачного термина, предложенного в

свое время Я. И. Репкером¹ и впоследствии неоднократно (выготь до 1973—1974 гг.) конкретизировавшегося у Я. И. Репкера этот термин означает постоянное, однозначное, не зависящее от контекста (в пределах материала определенной отраслевой тематики) соответствие слову или словосочетанию исходного языка. Этот термин прекрасно описывал себя в отношении научно-технических текстов (особенно применительно к терминам, к названиям реалий и т. п.). Стоит ли распылять, размыывать его значение и фактически стирать грань между ним и термином и понятием «адекватность» (на с. 186 между ними ставится знак равенства, тогда как это разные вещи) или, как это делается на с. 103, говорить об «оказиональном переводческом эквиваленте»? Конечно, при переводе на английский язык труднее, может быть, подобрать слово для передачи термина «соответствие», но данный вопрос, как мне кажется, заслуживает того, чтобы отнестись к нему со всей осторожностью. (Так как подобное употребление термина «эквивалент» в производных от него проходит через всю книгу, не указывая отдельных страниц.)

На с. 42—43, ссылаясь, в частности, и на пишущего эти строки и соглашаясь с тем, что «выработка нормативных принципов», «правил» перевода возможна лишь в ограниченных пределах (то есть в относительно простых случаях) и всегда в относительно общей форме, автор книги далее предлагает лингвистическую теорию перевода как «двустороннюю, дескриптивно-прескриптивную дисциплину, в которой ведущим является дескриптивный (то есть объективно-констатирующий) — А. Ф.) аспект, а прескриптивный играет подчиненную, но тем не менее весьма существенную роль». И далее речь идет о том, что «теоретические выводы» (из анализа практического материала) «вновь применяются на практику в виде определенных нормативных установок, которые имеют вид не жестких и нерушимых «правил на все случаи», а типовых рекомендаций, носители абсолютный, а относительный характер и подлежащие той или иной модификации в зависимости от каждого конкретного случая» (с. 43). В принципе это верно, но все же смущают такие формулировки, как «нормативная установка», и замечание о столь существенной роли «прескрип-

ного аспекта». В этой связи хотелось бы обратить внимание автора также на отдельные места в книге, где он говорит о «правилах» (правила, в кавычках) «переводческой трансформации» (с. 29), о «способах («правилах») перехода» от ИЯ к ПЯ (с. 36), о «каких-то нормативных установках» или «предписаниях» (с. 41) или подходит нормативно-оценочно к некоторым конкретным случаям перевода (например, на с. 12 строки 16—18 сверху, там же строки 16—17 снизу, на с. 126 строки 17 снизу и следующие, на с. 131 строка 19 сверху и следующие, на с. 189 строка 12 сверху и следующие). Против субъективной оценки у меня нет возражений, но хотелось бы видеть в иной «модальности», то есть не в форме прямых оценок и рекомендаций, а в форме указания на смысловую или прогностическую функциональную соответственность оригиналу (в выборе средств перевода).

Некорректна формулировка на с. 95 (строка 5 сверху и следующие), где реалии определяются как «слова, обозначающие предметы, ситуации» и т. д. Реалии — именно не слова, а как раз те самые предметы, ситуации и проч., которые словами обозначаются, и поэтому следует говорить не о реалиях, а о «названиях реалий», которые и подлежат переводу. Напомню, что среди терминов теории перевода и такой, как «слова-реалии», и он тоже мог бы быть использован.

Что касается сказанного на с. 99 о более редком в настоящее время использовании приема транслитерации и транслитерации, то следовало бы, точности ради, оговорить, что это относится главным образом к переводу с западноевропейских языков на русский (и, по-видимому, обратно), то есть к переводу с языков одного и того же культурного ареала, тогда как в переводах (все более многочисленных) с восточных языков этот же прием получает в настоящее время все более широкое распространение, что вызвано, вероятно, тенденцией к подчеркиванию национальной специфики восточных реалий.

Вряд ли можно утверждать сейчас, как это делается на с. 109, что поэзия «имеет свой специфический словарь». В протяжении всего XIX столетия как в русской, так и западноевропейской литературе происходил непрерывный процесс демократизации и, в связи с этим, расширения словаря поэзии (Байрон, Гёте, Некрасов); этот процесс продолжается и ныне в необыкновенно широком масштабе.

И в заключение хотелось бы высказать одно пожелание общего характера, на случай переиздания, связанное с тем,

¹ Я. И. Репкер. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». М., Изд-во Акад. пед. наук, 1950, с. 157.

СОДЕРЖАНИЕ

что книга, не ставящая задач рассматривать проблем художественного перевода, имеет, тем не менее, самое прямое отношение к эстетике слова, выступающей достаточно ясно во всех видах словесной деятельности, во всех видах текстов, в том числе научных и тем более публицистических (цитируемые в книге примеры переводов из этих текстов равно как и из художественной литературы, стоят на выском стилистическом уровне и проанализированы тонко, с большим вкусом, со знанием дела). Мне уже довелось написать о том, что в научно-техническом тексте есть своя эстетика, та эстетика, о которой теперь часто говорят и пишут в связи с промышленным и жилищным строительством, планировкой, устройством и оформлением цехов и других помещений, с внешним видом и функционированием машин. Это эстетика целесообразности, четкости, продуманности формы. А в тех более редких случаях, когда в произведении научной литературы на фоне общих формально-логических норм стили выступают черты индивидуального мастерства, выражающиеся в средствах образности или в использовании иронии для целей полемики, встают и такие эстетические задачи, которые не чужды и переводу художественной литературы¹. Подобные же задачи фактически все время встают и решаются в связи с материалом переводов, данных в книге Л. С. Бархударова, и мысль, высказанная приведенной мной автоцитатой, имплицитно присутствует в этом труде. И пожелание мое состоит в том, что следовало бы высказать эту мысль в определенном месте также и эксплицитно, подчеркнуть ее, с тем чтобы стало яснее, насколько широк диапазон вопросов, затрагиваемых Л. С. Бархударовым, и как велик интерес, представляемый его трудом для обширнейшего круга читателей — не только переводчиков, но и читателей переводов.

¹ А. В. Федоров. Из истории работы над проблемами перевода научной и технической литературы в СССР. В кн.: «Перевод. Всесоюзная конференция по теории и практике перевода» (Филипповский стиль научной и технической литературы). Тезисы докладов. Каунас, 1975, с. 219.

I. Вопросы теории перевода

Ю. Амбрасас-Саснава. Еще о разделах неведоведения	3
И. Ермолов. Типичность ситуации и перевод на уровне сообщения	11

II. Вопросы практики перевода

Р. Левчикя, А. М. Фитерман. Актуализация и перевод	22
И. Розина. Американский слэнг XX в. в аспекте перевода	36
Д. Жеру. Лексическая сочетаемость и виды переводческих соответствий	45
В. Чернов. Еще раз о схеме организации синхронного перевода	51

III. Вопросы художественного перевода

Н. Волкова. Перевод и семантика средневекового текста	59
М. Павлова. Стилистические коннотации как компонент адекватности перевода	67
В. Адаменок. Об итальянских переводах повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»	80
Б. Канетри. Проблемы перевода рифмы Маяковского на итальянский язык	86

IV. Вопросы лексикографии

И. Горбис. Психолингвистика и порождающая лексикография	103
Р. Арутюнов. Несколько словарных толкований	116

V. Рецензия

В. Федоров. Л. С. Бархударов. «Язык и перевод»	126
--	-----